

РУССКАЯ СПЕЦСЛУЖБА – ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

ФСБ

РУССКИЙ
007

С е р г е й Д о н с к о й

**НИКОГДА НЕ ГОВОРИ:
НЕ МОГУ**

Сергей Георгиевич Донской
Никогда не говори: не могу
Серия «Капитан ФСБ
Евгений Бондарь», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281072
Никогда не говори: не могу: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-07106-7*

Аннотация

Коллеги по ФСБ не зря называют его – наш Джеймс Бонд. Когда профессионалы бессильны, помочь может только он – капитан Бондарь. Он берется за самые рискованные операции. Ему терять нечего, у него погибли жена и сын. Он объявил террористам беспощадную войну. Поэтому и взялся за это безнадежное дело с особым рвением. Взрыв в молодежном кафе унес жизни шестнадцати человек. Оперативники были поражены – шахидкой оказалась обычная московская студентка. У них даже не нашлось ни одной толковой версии, почему эта девушка добровольно пошла на смерть. Капитан начал с института, где она училась. Там и напал на след международной террористической организации. Теперь самое главное – проникнуть в ее структуру и выйти на главаря. Бондарь уверен – это один из местных олигархов...

Содержание

Пролог	4
Часть I	12
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	36
Глава 4	45
Глава 5	67
Глава 6	78
Глава 7	97
Глава 8	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Сергей Донской

Никогда не говори: не могу

По-настоящему живешь лишь дважды: когда мать рождает тебя и когда смотришь смерти в глаза.

Бондосан, «Беседы с тигром».

Пролог

Сколько разной живности обитает на Земле, одному господу богу известно. Простые смертные вынуждены оперировать весьма приблизительными цифрами. Взять, например, кубинских крокодилов. Их не менее четырех тысяч, утверждают некоторые маститые ученые. Более шести, возражают другие, тоже маститые. В таком количестве крокодилы и занесены в Красную книгу – от 4000 до 6000 особей.

Одна такая особь – здоровенная, более пяти метров от кончика хвоста до ноздрей на короткой широкой морде – распахнула необъятную пасть, усеянную криво торчащими зубами. Примостившийся на крокодильей голове воробей переступил с лапки на лапку, но даже не подумал взлететь, отлично зная, что лично ему ничто не угрожает. Самец – а разинутая пасть принадлежала именно самцу – просто-напросто вентилировал нутро, растянувшись на берегу искус-

ственного озера.

Крокодил не мог иначе. Температура его тела напрямую зависела от окружающей среды. Если становилось прохладно, он дремал в подогретой воде. После обильной еды, когда обмен веществ повышал температуру крови, крокодилу приходилось охлаждаться в сыром гроте. Хотя в настоящий момент обмен веществ протекал вяло. Крокодил голодал, голодал давно. В последнее время его шкура заметно потемнела, дабы поглощать как можно больше солнечных лучей, но их проникало снаружи не так уж много. Недостаток энергии сделал зверя малоподвижным.

Чужая плоть – вот что требовалось ему для подзарядки. Все его ненасытное существо жаждало мяса.

Его последней крупной добычей стала голосистая человеческая самка, трусливая, но проворная бестия. Как ни гонялся за ней крокодил, вскинувшийся на все четыре лапы, а пронзительно верещащая самка все равно ускользала из-под самого носа. В конце концов она примостилась на балке под потолком, чувствуя себя там в относительной безопасности. Напрасно. Он выпрыгнул из воды и сшиб ее с насеста мощным ударом хвоста.

Крокодил был готов хоть сейчас продемонстрировать свое умение, но где взять еще одну такую самку, где?

Тоска и голод терзали его все сильнее.

Ученые подсчитали, что крокодил способен обходиться без пищи до двух лет, однако сам он понятия не имел об

этом. Древний инстинкт заставлял беречь силы, экономить энергию, так он и поступал, хотя куда охотнее просто закусил бы на славу.

Когда же она появится снова, настоящая добыча?

Скоро, решил крокодил. Пока что он ее не видел, не слышал, не чуял. Он просто знал. Обычно его угол был отгорожен от остальной территории металлической сеткой, а сегодня проход в ней оставили открытым. Это означало, что обитателю предоставлена полная свобода действий.

Крокодил совершенно не умел улыбаться, однако его хлопнувшая пасть непроизвольно сложилась в подобие умильного оскала. Вечером, когда он отправится на покой, его набитое до отказа брюхо будет волочиться по земле. Семьдесят килограммов человеческого мяса – это вам не воробы, не мухи, норовящие облепить глаза и ноздри.

Уэxxx! Распахнувшаяся, на манер чемодана, пасть разогнала всю эту жужжащую шелупонь, не заслуживающую внимания. Откуда-то сбоку все ощутимее веяло теплом. Приходилось время от времени зевать, дабы испарение влаги помаленьку остужало кровь.

Все просто, предельно просто. Люди потеют, собаки тяжело дышат, вывалив язык, а крокодилы зевают. И терпеливо ждут собак... или их хозяев. Четвероногие скулят так призывно, так трогательно, что просто слюнки текут. Но двуногие значительно крупнее, сытнее, а значит, все же предпочтительнее. Пусть будут люди. Стеклоанное небо над головой

не успеет окраситься в черное, как они появятся у раздвижной двери на противоположном берегу озера: кушать подаю!

Скорей бы.

Проволочив вихляющееся тело по песку (о, это был самый настоящий сыпучий песок, приятно щекочащий брюхо), крокодил бесшумно погрузился в воду и застыл, автоматически регулируя объем воздуха в легких. Над поверхностью остались торчать только ноздри и глаза, в то время как их обладатель исчез из виду. Он был идеально приспособлен для скрытного передвижения в воде. Его серповидные ноздри, втягивающие и регистрирующие сотни запахов одновременно, обладали способностью мгновенно смыкаться при экстренном погружении. Необычайно чуткие уши были снабжены точно такими же предохранительными клапанами. Слегка подслеповатые глаза в воде не закрывались, зато затягивались прозрачной защитной пленкой. Близко поставленные, они обеспечивали эффект бинокулярного видения, без которого невозможно измерять и оценивать расстояние с точностью до миллиметра.

Какое расстояние? Известно какое – между крокодилом и его жертвой.

При дневном свете сузившиеся зрачки крокодила представляли собой две тонюсенькие вертикальные черточки. Сами глаза были тускло-желтыми. Не то что в молодости, когда яркостью своей они напоминали пару фонариков, за-

жегшихся неизвестно когда, неизвестно зачем.

Он родился то ли сорок, то ли пятьдесят лет назад, о чем не помнил, как не помнил своей матери, явившейся на ква-кающие звуки, доносящиеся из яиц, откуда было не так-то просто вылупиться. Мать раскопала кладку, но надкусывать кожистую скорлупу не стала. С какой стати? Для того чтобы выбраться наружу, каждый из тридцати ее детенышей имел специальный «яичный зуб», расположенный на кончике носа.

Действуйте! Добро пожаловать в наш огромный прекрасный мир!

И новорожденные малыши пожаловали, а как же.

Вскоре после того, как они доели остатки яичных желтков и выползли на свет божий, их количество уменьшилось вдвое. Выбираясь из гнезда, сооруженного из песка, грязи и тины, они становились легкой добычей цапли, зачистившей на берег.

До матери не сразу дошло, что ее потомство сокращается не по дням, а по часам, но как только это произошло, обнаглевшей птице пришел конец. Прикинувшись полужатонувшей колодой, крокодилица подкараулила ее, а затем ринулась по мелководью, вздымая тучи брызг, как заправская лошадь. Цапля даже не успела расправить крылья, такой стремительной была атака.

Хап! Поймав трепыхающуюся птицу, мать уволокла ее на глубину, чтобы утопить там без лишних церемоний. По-

том наступило пиршество. Перекатываясь в бурлящей воде с боку на бок, крокодилица раздираала цаплю на мелкие клочья, которые глотала, не жуя, не разбирая, где перья, где кости, а где мясо. Подобным образом питались и ее детеныши. Так уж были устроены их конические зубы, действующие по принципу капкана. Жевать крокодилы не умели, зато им ничего не стоило раскусить панцирь черепахи.

Если зубы случайно ломались или выпадали, на их месте тут же вырастали новые, так что количество их оставалось неизменным: шестьдесят шесть, всегда шестьдесят шесть. Что касается дополнительного «яичного зуба», то он отпал у крокодила еще на пятый день борьбы за существование, когда братьев и сестер у него осталось не больше десятка. Пока крохи учились охотиться на жуков-плавунцов, мальков и пескариков, на них самих тоже охотились – щуки, змеи, грифы, в общем, все, кому не лень. При таком количестве врагов каждому детенышу не терпелось поскорее сменить броскую желтополосую окраску на серую, неприметную, но дожить до лучших времен посчастливилось немногим.

Зато те крокодилы, которые выжили, сами превратились в машины смерти.

Они не так уж сильно отличались от своих доисторических предков, обитавших на Земле четверть миллиарда лет тому назад. В то время, как сухопутные динозавры вымирали целыми стадами, тектодонтные рептилии додумались переселиться в воду, где приспособиться к изменениям окру-

жающей среды оказалось значительно проще. Почти полное отсутствие интеллекта вкупе с прекрасно развитыми первобытными инстинктами стали их пропуском в светлое будущее.

Из века в век, эра за эрой – все тот же крошечный мозг, все то же ненасытное брюхо...

Кто способен противостоять этим прирожденным убийцам, в желудках которых перевариваются не только кости, но и камни, глотаемые для измельчения пищи?

Кто осмелится прошмыгнуть перед носом одного из таких чудищ?

Крокодил дернулся было в сторону вынырнувшей неподалеку лягушки, но заставил себя сдержаться. Не столько энергии приобретешь, сколько растратишь, гоняясь за всякой мелюзгой. Спокойствие, только спокойствие. Неразумно отвлекаться по пустякам, когда вожаденный приз уже не за горами. Нужно лишь потерпеть немного. И заранее расположиться поближе к входу.

Мускулистый, сплюснутый по бокам хвост произвел пару волнообразных взмахов, после чего крокодил поплыл уже по инерции. Его снабженные перепонками лапы, вытянутые назад, плотно прижались к корпусу, сокращая сопротивление воды. В нужный момент они вытянулись и безошибочно нащупали под собой керамическое дно.

Косолапо переваливаясь, крокодил выбрался из искусственного озера и двинулся вперед. Волочащийся хвост

оставлял позади мокрый след, широкий и четкий. Косогор, который пришлось преодолеть крокодилу, оказался скользким, но зачем ему по три ороговевших когтя на каждой передней лапе? Не гнездо же копать, он ведь не самка!

Он самец. Хищник. Зверь о шестидесяти шести зубах.

С шуршанием продравшись сквозь зелень, крокодил лег, выгнув конечности суставами наружу. В такой позе он казался неповоротливым, способным лишь ползать, пресмыкаясь на брюхе. Вот и хорошо. Людям незачем знать, какую скорость он способен развивать при беге на короткие дистанции. Стоит ему пружинисто распрямить лапы и... Уэxxx! Крокодил снова зевнул, после чего его голова, увенчанная костяным гребнем, опустилась. Туловище и хвост с едва заметными поперечными полосами окаменели. Бронированная машина смерти сэкономила энергию для предстоящей охоты.

Часть I

Курок взведен

Глава 1

На Лубянке пахнет порохом

Три выстрела грянули один за другим, почти одновременно.

Эхо металось рикошетом от стены к стене, пока не установилась гробовая тишина. Вентиляционное отверстие в потолке подвала медленно втянуло струящийся из пистолетного дула дым. Капитан Бондарь проводил его взглядом заядлого курильщика, но к сигаретной пачке даже не прикоснулся. Не потому что курить в тире категорически запрещалось. Из уважения к старому чекисту Семенычу, страдавшему астмой.

Опустив ствол «вальтера», капитан Бондарь терпеливо ждал, пока Семеныч преодолеет всю длину полутемного коридора и подойдет к нему с мишенями.

Ходили слухи, что этот старик, заведовавший подземным стрельбищем, в молодости собственноручно расстреливал врагов народа из именного «маузера», врученного ему наркомом Ежовым. Скорее всего слухи распространял сам Се-

меныч, любивший пустить пыль в глаза молодежи. Ведь не в пионерском же возрасте он взялся за «маузер». Но в том, что Семеныч дружит с оружием, а оно – с ним, сомневаться не приходилось.

Это был стрелок от бога, вернее, от дьявола. В свои семьдесят лет старик дырявил мишени исключительно по центру, а ведь абсолютно трезвым его не помнили даже старожилы Лубянки! Еще месяц назад его главным соперником на неофициальных состязаниях в меткости являлся капитан Бондарь, но с тех пор утекло много воды... и не только воды, а и кой-чего покрепче.

Если регулярно выпиваемые стограммовые наркомовские дозы никак не отражались на качестве стрельбы Семеныча, то рука Бондаря утрачивала твердость уже после первого стакана. Трудно оставаться трезвым, когда твоя основная закуска состоит из мускатных орешков да мятных таблеток «Рондо».

Судя по довольной физиономии Семеныча, результаты нынешней стрельбы подтверждали эту простую истину. В каждой руке он держал по большому белому листу картона, на которых были изображены поясные мужские силуэты в натуральную величину.

«Черный человек, – подумал Бондарь, вглядываясь в левую мишень, на которой должны были остаться отверстия от его пуль. – Почти такой же черный, как тот, в которого постепенно превращаюсь я».

– Ты труп, капитан, – пропыхтел Семеныч на ходу, – я снова тебя уделал. Ты меня в лазарет отправил, а я тебя – прямиком на кладбище.

– На Новодевичье, – пробормотал Бондарь, свирепо дробя зубами мускатное ядрышко. Он сомневался, что подобные уловки способны полностью заглушить запах перегара, но надеялся, что от него не будет разить как от пивной бочки.

– Почему именно на Новодевичье? – насторожился Семеныч, остановившийся возле своего стола, на котором одиноко торчала настольная лампа в зеленом колпаке. В его лице, освещенном снизу, проступило нечто демоническое.

– А мне там нравится, – сказал он. – Тишина, покой. Хоть самому в землю ложись.

– Типун тебе на язык, капитан.

Неодобрительно хмурясь, Семеныч разложил на столе принесенные мишени с силуэтами условных противников. Вместо сердец у них были белые круги диаметром примерно в семь сантиметров. Семеныч попал в «яблочко» трижды. Бондарь поразил свою фигуру столько же раз, но все его пули прошли чуть левее сердца и несколько ниже.

– Ты продырявил мне левую стенку желудка, – прокомментировал Семеныч со знанием дела. – Сквозные ранения, от таких не умирают. А у тебя вместо сердца форшмак. Хана тебе, капитан.

– Хана, – согласился Бондарь, забросив в рот мятную таблетку.

– Три-ноль в мою пользу. С тебя шестьдесят рублей, капитан.

Бондарь безропотно отсчитал проигранные деньги. «Если бы освещение было получше, – подумал он, – я бы не промазал». Но Семеныч настаивал, чтобы стрельбы проводились в сложных условиях. По его словам, полутьма и предельная дистанция создавали обстановку, похожую на боевую. «Умение попасть в ярко освещенный кусок картона с десяти метров ничего не доказывает», – любил повторять он.

Бондарь был полностью с ним согласен, хотя не видел в Семеныче серьезного соперника. Старик пускался на уловки с приглушенным светом лишь для того, чтобы его мишень невозможно было разглядеть издали. Как правило, она была прострелена заранее и чуть ли не в упор, о чем свидетельствовал характер пулевых отверстий. Бондарь давно догадывался об этом, но помалкивал. Его интересовала собственная меткость, а не дырки, проделанные Семенычем. А собственная меткость оставляла желать лучшего.

– Может, в следующий раз удвоим ставки? – предложил Семеныч.

– Вот вернусь из отпуска, – сказал Бондарь, – тогда посмотрим.

– Отпуск? Сейчас?

– Зима – самое подходящее время для отдыха. Не люблю столпотворений.

– Да я не про зиму, – отмахнулся Семеныч, – я про общую

обстановку. Время тревожное. Слышать, у вас, оперов, дел неувпоровот.

– На мне свет клином не сошелся, – буркнул Бондарь. – Без меня людей хватает.

– Странно. Кто ж тебя отпустил?

– Руководство.

– Ну, ему виднее, – сдался Семеныч, твердо решив про себя, что сегодня же подаст рапорт о своих опасениях по поводу поведения оперуполномоченного ФСБ Бондаря Е. Н.

Правда, точно такое же решение принималось и вчера, и позавчера, но до сих пор осуществлено не было. Семеныч никак не мог заставить себя заложить любимчика начальству.

Между тем с капитаном явно творилось что-то неладное. Прежде он почти всегда выполнял стрельбы с лучшими результатами по управлению. Теперь его показатели ухудшались с каждым днем.

«Что же с тобой происходит, сынок? – размышлял Семеныч, привычно разбирая свой пистолет, из которого на самом деле было выпущено шесть пуль, а не три. Первые выстрелы отгремели рано утром, когда в тире никого не было. Продолжение последовало уже в присутствии Бондаря, когда задача Семеныча заключалась в том, чтобы случайно не задеть мишень, оставив на ней лишнюю пробойну. Он, как всегда, проделал свой трюк безукоризненно, но привычного удовлетворения не испытывал. Очень уж его беспокоило ны-

нешнее состояние Бондаря.

«Выбрит плохо, – отмечал про себя Семеныч, – веки воспаленные, пьяным не назовешь, однако и к трезвым приписать язык не поворачивается. Нужно срочно принимать меры, пока парень не опустился окончательно. Потом будет поздно. Появятся сомнительные дружки или бабы шалопутные. Бабы – в первую очередь. Они неприкаянных мужиков за сто верст чувят, моментально слетаются. Бондарь для них все равно что валерьянка для кошек. В момент слопают».

– Тут вот какое дело, – заговорил Семеныч, косясь на обличившегося в куртку капитана. – Поговорить с тобой хочу. Давно уже собирался.

– Говори, – позволил Бондарь.

– Через месяц ты вообще в мишень попадать перестанешь, если будешь продолжать в том же духе.

– В каком духе? – безразлично спросил Бондарь, прислушиваясь скорее к мятному вкусу во рту, чем к словам собеседника.

– За воротник закладывать в рабочее время, – натужно закончил Семеныч.

– Фи, как прозаично. За воротник! В рабочее время я позволяю себе лишь пару сухих мартини с водкой и лимонным соком.

– Не знаю, как насчет мартини, а водочкой действительно пахнет. Это все потому, что не закусываешь. Ты хоть завтракал сегодня?

– Поджаристая булочка, – начал перечислять Бондарь, – кусочек масла, блюдечко оливок и сельдерей с дольками сыра. Этого мне показалось мало, поэтому в дополнение пришлось заказать дюжину устриц.

– Где заказать? – опешил Семеныч.

– В нашем буфете, естественно. Там подают превосходных устриц. Но особенно меня порадовал сегодняшний обед. Бифштекс, охлажденное шампанское и горячий кофе с ирландским виски и со сливками. – Закончив свою насмешливую тираду, Бондарь не преминул вернуть камешек, брошенный в его огород: – Ты хоть сегодня обедал, Семеныч?

– Эх, капитан-капитан, – покачал головой Семеныч. – Все шутишь. А ведь я серьезно. Смотреть на тебя больно. Пропадаешь ты.

– Чую с гибельным восторгом, – туманно высказался Бондарь.

– Какой там восторг, к свиньям собачьим. Глянь на свою мишень. Не стыдно?

– Ну-ка, дай сюда другую. Только не с человеком, а с машиной. Я тебе сейчас покажу, как нужно стрелять.

– Уже показал, – проворчал Семеныч, тем не менее выполняя просьбу.

– Фломастер есть? – спросил Бондарь, принимая протянутый лист.

– Тут тебе не художественная мастерская. Еще краски попросил бы.

– Ручка?

– Ну, этого добра хватает. – Семеныч выполнил и эту просьбу.

Вооружившийся ручкой, Бондарь разложил мишень на столе и принялся выводить на ней большие печатные буквы. Бумага лохматилась и рвалась. Семеныч беззвучно шевелил губами, пытаясь сообразить, что за слово возникает на листе. Оно оказалось ему совершенно незнакомо.

– Са-аб, – прочитал он, когда мишень вновь перешла в его руки. Загадочная надпись была начертана прямо над силуэтом автомобиля, изображенным спереди. «Яблочко» помещалось на том месте, где должен был находиться воображаемый водитель. – Что такое «сааб»? – спросил Семеныч.

– Есть такая иномарка, – пояснил Бондарь, неизвестно отчего хмурясь. – Но это не важно. Я сделаю пять выстрелов на скорость. С двадцати пяти метров. Если хоть одна пуля пройдет мимо центра, я проиграл спор.

– Мы разве поспорили?

– Считай, что да. Промажу – брошу пить. Попаду – ты меня больше не достaeшь своими нравоучениями. Договорились?

Семеныч посмотрел на мишени, развешанные в подвале на специальных кронштейнах. Те, что находились на выбранной капитаном дистанции, были размером с книжку – так воспринимал их человеческий глаз в сумраке подвала.

– Давай хоть освещение прибавлю? – снисходительно

предложил Семеныч. Он был уверен в победе. Исход спора, предложенного хмельным капитаном, казался предрешенным.

– Не надо, – сказал Бондарь. – Это же «Сааб». Я в него и с закрытыми глазами попаду.

– Хозяин – барин...

Пожимая плечами, Семеныч отправился вешать мишень. Покончив с этим занятием, он так же неспешно вернулся назад и прищурился, пытаясь представить себя на месте стрелка. «Яблочко» на силуэте автомобиля было почти неразличимо.

– Готов? – спросил Семеныч.

– Почти, – откликнулся Бондарь.

Держа пистолет стволом вниз, он просунул указательный палец в дужку предохранителя и осторожно установил его на изгибе курка. Потряс свободно висящей рукой, расслабляя мышцы. Расставил ноги чуть шире. Покрутил шеей.

– Готов.

– Я начинаю обратный отсчет, – предупредил Семеныч. – Поехали! Три... два... один... ОГОНЬ!

Казалось, стены слегка вздрогнули, когда пять кусочков медно-никелевого сплава, один за другим, вспороли сумеречный воздух подвала. Это продолжалось не дольше двух секунд.

– Последний выстрел был самым неудачным, – объявил Семеныч, опуская оптический прибор, сквозь который сле-

дил за мишенью. Его голос был неуверенный, вид – обалделый.

– Неужели промазал? – спросил Бондарь, пряча «вальтер».

– Отверстие прошло по самому краю.

– Но все равно в «яблочко»?

– Да, – подтвердил Семеныч. После чего непоследовательно возразил: – Но этого не может быть! Пять попаданий, елы-палы!

– Я стрелял по «Саабу», – сказал Бондарь, будто это что-то объясняло.

– Ничего не понимаю.

– Не бери дурного в голову. И будь здоров.

Открыв железную дверь, Семеныч молча смотрел вслед Бондарю, поднимающемуся по бетонной лестнице. Уже добравшись до самого верха, когда на виду остались только его ноги, тот прокричал:

– Кстати, если надумаешь подавать на меня рапорт, то не забудь упомянуть результаты последних стрельб. Я еще на кое-что гожусь, а?

Семеныч лишь крикнул. А оставшись один, первым делом отправился посмотреть на мишень, потому что впервые в жизни усомнился в надежности оптики. Мишень не исчезла, как и пробитые в ней отверстия. Полюбовавшись ими на просвет, Семеныч почесал затылок и задумчиво пробормотал:

– Не хотел бы я оказаться на месте водителя этого «Сааба».

Глава 2

Триллер для генерала ФСБ

Парней было трое. Одетые на манер уличной швали из нью-йоркских трущоб, они мотались по сцене и выкрикивали в микрофоны всякую маловразумительную чушь под заранее записанное музыкальное сопровождение. Смотрелась троица преотвратительно: волочащиеся по полу штаны, выпростанные футболки, расхлябанные жесты. Если такой внешний вид был задуман специально для того, чтобы вызывать раздражение людей старшего поколения, то парни своей цели добились.

– Почему головки такие маленькие? – угрюмо осведомился Молотов.

– Простите, товарищ генерал? – напрягся начальник видеотехнической лаборатории Рыбкин.

– Разве я не ясно выразился, капитан? Или ты по-русски не понимаешь? Это у них все «фак ю» да «кисс май прик», а я тебя человеческим языком спрашиваю. – Генеральская рука вытянулась в направлении телеэкрана, по которому сновали участники группы «Mothersuckers». – Вот и скажи мне, почему у этих великовозрастных оболтусов головы крошечные, как у младенцев? Их что, специально на эстраду по такому принципу отбирают?

Познания Рыбкина о современной эстраде были весьма

скромными. Прежде чем ответить, ему пришлось основательно прочистить горло.

– Думаю, гм, все дело в вязаных шапочках, которые они носят, – предположил он. – Шапочки тесные, а остальная одежда просторная. Вот и создается, гм, иллюзия.

– Да уж, – пророкотал Молотов. – Сплошной иллюзион, а не культура. Куда ни глянь, всюду химеры, всюду хренотень. Звук убавь.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Рыбкин поспешно нажал кнопку на дистанционном пульте. Голоса троицы сделались почти неразборчивыми, но начальник Департамента контрразведки ФСБ показал жестом: еще тише.

В каждом его движении сквозила привычка властвовать, сдерживать которую Молотов умел, но не любил. Одетый в малоприметный костюм цвета мокрого асфальта, он держался так, словно находился при парадной генеральской форме, с рядами орденских колодок и Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди. Обширную лысину, образовавшуюся еще до распада СССР, генерал старательно маскировал длинными прядями волос, зачесанными от левого уха к правому. Когда прическу Молотова трепал ветер, она приобретала довольно карикатурный вид, так что он предпочитал проводить время в закрытых помещениях. По этой причине цвет его широкого, грубого лица имел землистый оттенок.

Что касается капитана Рыбкина, то сегодня, как никогда,

ему хотелось вырваться куда-нибудь на простор и завеяться подальше от генеральского кабинета. Его ладони были влажными, словно он не пластмассовый пульт в руках держал, а обмылок. Всякий раз, когда Молотов обращался к нему, Рыбкин обмирал, а когда выдавалась передышка, осторожно выпускал накопившийся в груди воздух, складывая пересохшие губы трубочкой.

Ф-ф-фуууххх...

Ему еще никогда не приходилось находиться с глазу на глаз с руководителем такого ранга. Если Директор ФСБ напрямую подчинялся Президенту, то генерал-полковник Молотов находился в непосредственном подчинении у самого Директора. Таким образом, он являлся вторым по значению контрразведчиком страны. Много это или мало? Рыбкину хватало с лихвой. Рубаха под пиджаком промокла насквозь, а ведь это было только начало. Подборка видеосюжетов о трагедии в ночном клубе «Приход» занимала около сорока пяти минут чистого времени.

«Скорей бы уж конец, – тоскливо подумал Рыбкин. Вслед за этой мыслью мгновенно всплыла следующая: – Для кое-кого конец уже настал, причем полный. И одежда этих несчастных пропиталась вовсе не потом, а кровью. Так что не трясись как овечий хвост, капитан Рыбкин. Держись с достоинством, капитан Рыбкин. Ведь не съест же тебя Молотов, в конце концов».

Всмотревшись в цифры, пляшущие на экране, он прогло-

тил слюну и осторожно произнес:

– Товарищ генерал, до начала акции секунд двадцать всего осталось. Звук прибавить?

– Останови изображение, – ворчливо распорядился Молотов. – Покажи точку взрыва.

– Примерно здесь грохнет. – Рыбкин привстал со стула, чтобы коснуться пальцем экрана. – Но лица присутствующих разглядеть невозможно. Идентифицировать людей, находившихся в эпицентре, не удалось даже при компьютерной обработке.

– Почему?

– В зале темно, видите? Обратите внимание: прожектора только сцену освещают.

– Кто производил съемку? – В генеральском голосе прозвучала досада обманутого в своих ожиданиях профессионала.

– Насколько мне известно, один московский клипмейкер.

– Клип... кто?

– Мейкер.

– А если членораздельно?

Рыбкин провел свободной рукой по мокрому лбу и поспешил поправиться:

– Создатель музыкальных видеороликов, значит. Кинорежиссер. Ему постоянно подобные съемки заказывают.

– Ну и зря, – раздраженно заключил Молотов. – Хреновый он режиссер, никудышный. Какой идиот с такого расстояния

снимает, да еще в статичном положении? Ведь в клипах все скакать и мелькать должно: туда-сюда, туда-сюда, как бычьи яйца. Или я ошибаюсь?

– Вы совершенно правы, – согласился Рыбкин, покашливая в кулак. – Но крупные планы отдельно отсняты, их потом смонтировать собирались. Показать?

– Кого? – насторожился Молотов.

– Отснятые материалы, – пролепетал Рыбкин, начавший понимать, что сморозил большую глупость.

– Про мазерфакеров этих? – зловеще поинтересовался Молотов.

– Мазерсакеров, товарищ генерал.

Уточнение оказалось совсем уж неуместным. Молчание длилось так долго, что рубаха на несчастном капитане превратилась в какую-то мокрую тряпку, хоть выжимай.

– Извините, товарищ генерал, – сдавленно произнес он. Спине было холодно. Ушам – горячо. Над головой незримо витал призрак железного рыцаря революции, почему-то с кавалерийской шашкой в руке.

Прошла минута, другая.

– Ты, капитан, говори да не заговаривайся, – отчеканил Молотов, сверля подчиненного не сулящим ничего хорошего взглядом. – То у тебя шапочки какие-то, то иллюзии, то факеры-сакеры недоделанные... Отвечать на вопросы начальства следует по существу, коротко и ясно. Как поняли меня, товарищ капитан?

– Слушаюсь! – выкрикнул вытянувшийся по струнке Рыбкин. Вид у него был совершенно очумелый. Будто ему только что предложили застрелиться из табельного оружия, а он сдуру согласился.

– Садись уж, – махнул рукой Молотов и засопел, отвернувшись. – Столбычишь тут, словно сантехник в женской бане... Мокрый, взъерошенный. Смотреть противно.

– Виноват. – Рухнувший на стул Рыбкин пригладил волосы.

– Еще бы был не виноват, – буркнул Молотов.

Он и сам был не рад своей вспышке. Не капитан Рыбкин был причиной генеральского гнева и даже не эстрадная шпана, застывшая на экране в нелепых позах. Тем более что один из троицы погиб, а двое других находились в больнице с ранениями различной степени тяжести. Вместе с десятками их поклонников.

А если всех жертв террористов сосчитать? По всей стране? За все минувшие годы?

– Продолжай показ, капитан, – произнес Молотов устало. Ему не нужно было считать, он и без того знал точные цифры. И от такой статистики его сердце было готово взорваться. Как пояс шахидки, сработавший в клубе «Приход».

* * *

Гах!

Было такое впечатление, что взорвался телевизор. Рука Молотова инстинктивно дернулась, норовя прикрыть глаза. Но экран не лопнул, не разлетелся на осколки, не полыхнул пламенем. Он просто сделался черным. Камера, фиксирувавшая происходящее в клубе, вышла из строя.

Взрыв произошел не здесь, не сейчас. То, что наблюдали Молотов и Рыбкин, было лишь виртуальным изображением реальной трагедии.

Резкий хлопок, яркая вспышка – и полный мрак. Не так ли восприняли свою смерть те, кто пришел побалдеть под музыку модной группы «Mothersuckers»? Не точно такой же окажется собственная кончина?

Машинально прикоснувшись к левой стороне груди, генерал Молотов ослабил узел галстука и откинулся на спинку кресла. Со стороны можно было подумать, что он отдыхает, вальяжно усевшись перед телевизором. Если бы не закемевшие челюсти. Если бы не цепкий взгляд, который успевал отмечать множество подробностей происходящего на экране.

Следующий сюжет был снят на месте теракта уже после прибытия представителей силовых структур и МЧС, при беспощадном резком свете. Эпицентр взрыва выглядел как кошмарная мусорная свалка. Только приглядевшись, можно было различить фрагменты тел, валяющиеся среди тряпья, мусора и обломков.

Все было залито кровью, она была повсюду – в виде брызг,

в виде разводов, в виде шлейфов, потеков и луж. Это была не та клюквенная жижа, которую любят лить создатели голливудских боевиков. Настоящая кровь – липкая, спекающаяся в отвратительные коржи, дурно пахнущая.

Ноздри Молотова сузились, словно тяжелый запах крови, взрывчатки и гари просочился в его кабинет.

– Не водица, нет, – прошептал он.

– Что? – вскинулся Рыбкин.

– Кровь людская – не водица, – автоматически пояснил Молотов, вряд ли отдавая себе отчет в том, что разговаривает с подчиненным. Его зрачки потемнели, заполняя радужную оболочку.

Оператор как раз дал крупный план смертницы с развороченным животом. Лицо ее, как это часто случается в подобных случаях, было покрыто пятнами копоты, но совершенно не пострадало от шрапнели, выкосившей всех, кто находился рядом. Остекленевшие глаза, прикушенный язык, деформированный череп, слипшиеся от крови пряди волос.

– Стоп! – приказал Молотов.

Мертвое лицо застыло на экране. Присмотревшись к нему, Молотов едва удержался от удивленного восклицания. Впервые в его практике террористка оказалась блондинкой с ярко выраженной славянской внешностью. Какая же причина заставила ее нацепить пояс шахидки?

– Поехали дальше, – сказал Молотов Рыбкину. – В замедленном режиме.

Смертница медленно поплыла по экрану.

Судя по покрою просторного платья, она казалась окружающим беременной чудачкой, которая, несмотря на заметный живот, не смогла отказать себе в удовольствии посетить выступление модной группы. Наверное, посетители клуба переглядывались и перемигивались, кивая в ее сторону. Посмеивались, крутили пальцем у виска, отпускали грубые шуточки. До того момента, пока беременная чудачка не разродилась огненной вспышкой, несущей хаос и смерть.

Пока Молотов размышлял об этом, вместо террористки появились ее жертвы. Камера в руках невидимого оператора обходила груды трупов по часовой стрелке. «Почему так медленно? – сердито подумал Молотов. – Спят они там на ходу, что ли?»

– Запускай на полную скорость, – велел он Рыбкину, сообразив, в чем дело.

Изображение убыстрилось. Замелькали тела... и фрагменты тел... и снова тела... и снова фрагменты...

Молотову померещилось, что он попал в анатомический театр, куда незадолго до того запустили кровожадного маньяка, оснащенного бензопилой. Никакой фильм ужасов не мог сравниться с тем, что бесстрастно зафиксировала оперативная видеокамера. Повсюду обезображенные лица, вытекшие глаза, провалы ртов, открытых в немом крике. И все же некоторые из погибших выглядели так, словно их просто сморила усталость...

«От бесконечных танцулек да наркоты», – пронеслось в голове Молотова. Он опять помассировал грудь, постаравшись сделать это украдкой от Рыбкина. Еще не хватало, чтобы подчиненный предложил вызвать шефу врача. У чекиста должно быть горячее, но никак не больное сердце. И ждут от него эффективных действий, а не предынфарктных состояний, усугубленных гипертоническими кризами.

Молотов удвоил внимание, заставляя себя пристально всматриваться в жертв теракта. Вот совсем еще юная девушка, закинувшая руку за голову и закрывшая глаза. С виду настоящая спящая красавица, да только вместо ног обрубки – такую никто не разбудит поцелуем, такая никогда больше не встанет, никуда не пойдет. Она обречена навечно остаться в поглотившем ее мраке, одна-одинешенька. Все, что могло с ней случиться на этой земле, уже случилось. Продолжения не будет.

То же самое касается двух щуплых пареньков, обнявшихся, словно бы в порыве нежности. Во времена юности Молотова такой жест воспринимался как проявление закадычной дружбы. Теперь в этом виделось нечто крайне непристойное, но... привычное, черт подери, само собой разумеющееся, почти обыденное. Паскудство сделалось нормой жизни. Преступники ходят в героях. Гибель мирных граждан в центре столицы – в порядке вещей.

– А мы все раскрепощаемся, – засопел Молотов, – все распоясываемся, все дурую маемся.

В массовой гибели собравшихся повеселиться людей чудился зловещий дьявольский умысел. Предсмертные оскалы, изуродованные лица, покорёженные тела, такие же неживые, как разбросанные повсюду клочья одежды, кроссовки, туфли, сигаретные пачки, сумки, барсетки. А еще мобильные телефоны, очень много валяющихся на полу мобильных телефонов, владельцам которых теперь не дозвониться.

Ко всему привыкший генерал испытал облегчение, когда детальный показ жертв теракта сменился общим планом. Сотрудники ФСБ производили замеры расстояний от эпицентра взрыва, привычно разбивая помещение на сектора. Раненых давно вынесли, но несколько санитаров оставались на месте трагедии. У их ног лежала кipa полиэтиленовых мешков, предназначенных для упаковки трупов и фрагментов тел. Мешков было много.

Поблуждав по залу, камера уставилась на совершенно невменяемую тетку с пылесосом. Судя по всему, она порывалась немедленно приступить к уборке помещения. Милиционеры с трудом оттеснили ее назад. Тогда она упала и забилась в истерику, выкрикивая что-то бессвязное.

«Очередной шок, – подумал Молотов. – Скольким еще людям доведется испытать его нынешней ночью?»

Время близилось к четырем утра. Некоторые из родственников погибших еще мирно спят. Некоторые уже оповещены о несчастье. Они приникли к экранам своих телевизоров, молясь о том, чтобы беда приключилась не с их детьми, а с

чужими. Помогут ли им такие молитвы?

– Дай-ка лучше прямое включение, капитан, – хрипло попросил Молотов. – Хреновое твоё кино. Не жизнеутверждающее.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Рыбкин выключил видеоманитофон и связался по телефону с лабораторией, давая соответствующие указания. Тем временем на телевизионном экране задержались, завихлялись полуобнаженные певички, каких нынче развелось без меры. «Ах, шуры-муры, – верещали они, – ах, муры-шуры, хотим любви, она полезна для фигуры». Пение сопровождалось синхронным танцем живота и всего остального. Как будто на бесконечном сеансе стриптиза присутствуешь. Хорошо что хоть с правом свободного выхода.

Насупившийся Молотов завладел пультом и пробежался по каналам, рассчитывая наткнуться на выпуск новостей. Безрезультатно. Повсюду только мелькание гладких ягодиц, таких же гладких лобиков, безмятежных улыбок. Райский сад наслаждений, да и только. Неужели проблемы реальной жизни уже совсем никого не интересуют? Неужели для этого непременно нужно, чтобы жареный петух конкретно каждого в голую задницу клюнул?

– Первая камера готова к включению, – отрапортовал Рыбкин.

– Давай свою первую камеру, – вздохнул Молотов.

– Есть!

Изображение мигнуло, сменившись уличной панорамой. У входа в клуб «Приход» толпились сдерживаемые омовцами зеваки, перетаптывались неуклюжие с виду пожарные, мотались с носилками медики, гарцевали на ухоженных лошадях милиционеры, сустились крепкие ребята в экипировке с надписью «ФСБ». Еще кого-то приводили в чувство, укладывали на носилки, уводили под руки к автобусам «Скорой», а зрители уже делились впечатлениями по мобильникам, присасывались к ярким жестяным баночкам, пытались фотографировать, приветственно махали руками в объектив. Почему бы и нет? Они ведь не попали в число пятнадцати погибших и нескольких десятков раненых.

Жизнь продолжалась. Такая же глупая и бессмысленная, как смерть.

Глава 3

По горячим следам

Совещание началось лишь в полдень, когда было накоплено достаточно оперативной информации для обсуждения. Молотов, не спавший всю ночь, издерганный бесконечными звонками шефа, выглядел неважно, а чувствовал себя – и того хуже. Но отдыхать было некогда да и не хотелось. А чего хотелось, так это собрать всякую без меры расплодившуюся сволочь в одном месте, облить бензином и сжечь, как жуков-колорадов. Настанет ли когда-нибудь конец террористическому беспределу, безудержно распространяющемуся по стране?

Во многом это зависело от людей, собравшихся за звуко- непроницаемой дверью начальника Департамента контрразведки.

Чуть ли не самый главный кабинет ФСБ размещался на втором этаже. Это была очень большая комната со стенами, обшитыми полированными дубовыми панелями. Широкие окна, выходящие во внутренний двор, почти скрывались за тяжелыми шторами и были закрыты наглухо. Поверх паркетного пола стелился красный ковер со строгим узором. В торце кабинета высился массивный письменный стол, на треть покрытый стеклом, под которое Молотов имел обыкновение совать различные бумажки, требующие внимания. От сере-

дины стола, образуя заглавную букву Т, протянулся длинный стол для участников совещаний. Для них же были расставлены тут мягкие стулья, обтянутые красной кожей. Напротив каждого высилась бутылка минеральной воды, дополненная накрытым салфеткой стаканом. Пепельниц не наблюдалось. Дымить в присутствии некурящего Молотова осмелился бы только безумец, а безумцев на Лубянке не держали.

Он обвел тяжелым взглядом собравшихся. За длинным столом находились все его помощники и заместители, но главное бремя ответственности лежало все же на нем, начальнике Департамента контрразведки ФСБ, Молотове Олеге Дмитриевиче. И погоны генерал-полковника лишь утяжеляли взваленную на плечи ношу. Но не непосильную – черта с два! Расправив плечи и стараясь держаться подчеркнуто прямо, Молотов коротко спросил:

– Что по жертвам?

Докладывать взялся генерал-майор Скороходов:

– Раненые размещены в следующих больницах: институт Склифосовского, Боткинская, Первая градская, тридцать третья, тридцать шестая, тридцать седьмая и шестьдесят седьмая.

– Сколько всего пострадавших?

– Сведения об их количестве постоянно меняются и уточняются, товарищ генерал. Из семидесяти двух пострадавших от госпитализации отказались шестеро. – Скороходов сверился со списком и уверенно продолжил: – Наиболее тяже-

лые ранения у двоих, находящихся в Склифе. Это девушка, с переломом позвоночника, и парень, буквально наспигованный шурупами и гвоздями, которыми было начинено взрывное устройство.

– Нашпигован, – повторил Молотов и пошевелил губами, пробуя на вкус не понравившееся ему словцо. – Давайте-ка без кулинарии. Не тот случай. – Молотов пристукнул кулаком по столу. – И не то место.

– Извините, товарищ генерал. – Скороходов опять заглянул в список. – Примерно в 8:40 утра скончался пациент тридцать шестой больницы. Таким образом, к настоящему моменту в результате теракта скончались шестнадцать человек.

– Погибли, а не скончались.

– Так точно, погибли.

– След? – Молотов перевел взгляд на следующего зама, Миктюка. – Опять чеченский?

Миктюк по привычке снял очки и, вертя их в пальцах, заговорил рокочущим басом, напоминающим многократно усиленное гудение шмеля:

– Думаю, чеченские сепаратисты могут иметь причастность к организации взрыва. Они заинтересованы в любых террористических акциях на территории России, иначе Запад перестанет их финансировать. Это, конечно, лишь теоретические выкладки, пока ничем не подтвержденные.

– А если перейти от теории к практике?

Миктюк наконец оставил очки в покое и взглянул прямо в глаза Молотову:

– Версий масса. Это может быть и Масхадов, и Басаев, и небезызвестный Абу аль-Валид. Но почерк преступления свидетельствует о том, что организаторы начали работать иначе или же к терактам подключились новые силы. Это мое личное мнение. – Высказав его, Миктюк задумчиво потер переносицу, перечеркнутую вмятиной от дужки очков. – Все мы помним недавнюю операцию против британцев, осевших у нас под видом международного фонда «Хэлло-Траст». Прикрываясь гуманитарной деятельностью, – продолжал Миктюк, – они проводили минно-взрывную подготовку чеченских боевиков. Или возьмем саудовскую организацию «Аль-Харамейн», которая под видом оказания благотворительной помощи финансировала теракты, организовывала поставку оружия, вербовала иностранных наемников в Чечню. Аналогичную работу проводят США, Турция, Китай, Германия, Израиль...

Участники совещания заерзали, как ученики, вынужденные выслушивать прописные истины. Уж кто-кто, а генералы ФСБ отлично знали, что деятельность иностранных спецслужб усиливалась по мере экономического и политического оздоровления России. Маски добродушия пали, обнаружив под собой прежний злобный оскал. Волки еще рядились в овечьи шкуры, но уже не так старательно, не так охотно.

Только за истекший месяц в результате долговременных и тщательно подготовленных операций удалось задержать с поличным четырнадцать кадровых сотрудников западных спецслужб. Кроме того, было выявлено и взято в предметную разработку около 260 других шпионов и их пособников, среди которых добрую половину составляли так называемые российские граждане. На профессиональном жаргоне сотрудников ФСБ они назывались «инициативниками», то есть мерзавцами, добровольно ищущими контактов с иностранными разведками. Некоторые были недовольны своим финансовым или социальным положением, большинство же попросту противилось наведению порядка в стране.

Взрывы, то и дело гремящие в столице, были порождены той же причиной: многим, очень многим хотелось дестабилизировать обстановку, чтобы опять ловить рыбку в мутной воде, как это повелось при Ельцине. Но кто именно организовал теракт в клубе «Приход»? И почему смертницей стала на этот раз обычная московская студентка, не якшавшаяся ни с одной экстремистской организацией? Это что, мода такая пошла?

Такие вопросы задал соратникам генерал Молотов, мерно постукивая по столу твердой, как доска, ладонью. После чего бросил взгляд на своего первого заместителя Волопасова, руководившего Управлением контрразведывательных операций:

– Что можете сообщить по этому поводу, Николай Артемьевич?

Руководитель УКРО даже не подумал открыть тонкую папку, лежащую перед ним. Память у Волопасова была феноменальная. В юности он ради спортивного интереса заучивал наизусть целые страницы телефонных или технических справочников, но с тех пор много воды утекло. Связав свою судьбу с КГБ, он приучился использовать свои способности исключительно для пользы дела.

– Итак, гражданка Елисеева Екатерина Петровна, – начал Волопасов своим скрипучим голосом, резавшим слух каждому, кто слышал его впервые. – Проживала в Москве с родителями, которым приходится... приходилась единственной дочерью. Являлась студенткой третьего курса престижного коммерческого колледжа.

– Иначе говоря, особых материальных затруднений не испытывала? – подал реплику Скороходов.

– Ни малейших материальных затруднений, – твердо ответил Волопасов. – Родители в дочке души не чаяли, баловали, как могли, пылинки с нее сдували.

– А кто еще ее баловал? – спросил Молотов. – Сколько у нее было сдувателей пушинок на стороне?

Присутствующие даже глазом не моргнули. Зная, что добрая треть всех преступлений замешана на сексуальной почве, волей-неволей сделаешься циничным. Особенно по отношению к личностям, которые ни с того ни с сего устраивают

смертельные фейерверки.

– Тут-то и начинается самое интересное, – многообещающе произнес Волопасов.

И сообщил, что в ходе оперативных мероприятий удалось выяснить: еще полгода назад Катерина Елисеева слыла весьма легкомысленной особой, менявшей ухажеров как перчатки. Ей ничего не стоило переспать со случайным знакомым из дискотеки, а наутро закрутить новый роман, завершившийся опять же в постели. Вибалмошная, недалекая, абсолютно аполитичная, помешанная на пресловутой «красивой» жизни, Елисеева являлась типичной представительницей своего поколения.

– Шопинг с пирсингом, – понимающе хмыкнул Молотов. – Такая за идею умирать не станет.

– Не станет, Олег Дмитриевич. У нее-то и идей никаких не было. Зачем они ей?

– Может, денег посулили? Наркотиками накачали? Предложили обрядиться в пояс шахидки шулки ради, а взрывное устройство сработало посредством дистанционного управления?

– Исключено, – пробасил Миктюк, терзая свои очки. – Елисеева произвела взрыв самостоятельно, тому есть свидетели. Выглядела чуточку заторможенной, но вполне вменяемой. Кстати, не знаю, как насчет пирсинга, а накрашена она была едва-едва. Лишь бы не привлечь внимание сотрудников фэйс-контроля.

Присутствующие зашевелились, переваривая информацию. Потом слово опять взял Волопасов.

– Разрешите продолжить, Олег Дмитриевич? – проскрипел он.

– Разрешаю, Николай Артемьевич, – откликнулся Молотов почти таким же неблагозвучным голосом. Усталость давала себя знать все сильнее. Перед воспаленными глазами плясали то мошки, то искорки. В ушах неприятно звенело.

– В последнее время, – заговорил Волопасов, – с Елисейвой произошли разительные перемены. Никаких гулянок. Никаких компаний. Никаких случайных связей.

– Любовь? – предположил Скороходов. Слово далось ему нелегко. Не так уж часто оно звучало на Лубянке.

Ответ последовал незамедлительно:

– В том-то и дело, что Елисеева вообще перестала интересоваться мужским полом.

– А женским?

– Тем более, – отрезал Волопасов.

– В чем же дело?

– Говорю же, ее словно подменили. В последние дни жизни это была сама отрешенность и сосредоточенность.

– На чем сосредоточенность? – спросил Молотов, заранее зная, что ответа на свой вопрос не услышит.

Так и вышло.

– Никто не знает, – покачал головой Волопасов. – Ни одна живая душа. Елисеева перестала контактировать даже с луч-

шими подругами. Ну, конечно, здоровалась, даже могла поболтать о том о сем, но не более того. Сокурсницы утверждают, что Катерина выглядела так, будто отгородилась от всех невидимой стеной. Достучаться до нее было невозможно.

– Это все, что вы собирались нам поведать? – вырвалось у разочарованного Миктюка, опять водрузившего очки на нос.

– Нет.

В подтверждение своим словам Волопасов медленно повел головой из стороны в сторону.

– Так не тяните жилы! – Миктук сорвал очки с такой поспешностью, словно они каким-то загадочным образом накалились и обожгли кожу на переносице. – Жилы он тянет! Что за манера?

– Прекратить базар! – грохнул по столу Молотов. – У нас тут не заседание Думы, не сессия ООН и даже не репетиция группы «Мазерсакерс». Так что прения отменяются, а любители попреть пусть занимаются этим в свободное от работы время. С этой минуты вопросы задаю только я, Николай Аркадьевич отвечает, а все остальные мотают на ус. Обсуждение состоится потом – если оно понадобится. Итак. – Молотов порывисто подался вперед. – Мы ждем продолжения, Николай Артемьевич.

И продолжение последовало.

Глава 4

Бес в ребро

– Вплоть до середины двадцатого века Куба испытывала огромное давление со стороны Соединенных Штатов Америки. – Произнеся эту фразу, Каменир сделал паузу, как бы предлагая присутствующим оценить непомерную тяжесть такого давления. – Лишь с победой народной революции, произошедшей в январе одна тысяча девятьсот пятьдесят девятого года, республика обрела независимость. – Памятуя о том, что небольшие отступления способствуют усвоению материала, Каменир улыбнулся и сказал совсем другим тоном: – Молодежь, наверное, не знает, но в ту пору все кубинское считалось модным. Сигареты «Легерос», дешевые сигары, ром... В московских барах даже специальный коктейль появился – «Cuba Libre», что в переводе с испанского означает «свободная Куба», н-да... Замечательный напиток. До сих пор помню его вкус. – Каменир мечтательно причмокнул.

– Можно вопрос? – подняла руку третьекурсница Королева.

Сидела эта чистюля всегда на первом ряду, являлась старостой, считалась круглой отличницей, зачеты по экономической географии сдавала «автоматом», но Каменир ее не жаловал, нет, не жаловал. Он вообще скептически относил-

ся к девушкам, носящим джинсы. Даже если те маячили у него перед носом.

– Слушаю вас, Даша, – сухо произнес Каменир.

– Вам сколько тогда лет было, Эдуард Львович?

– Во время кубинской революции?

– Ну да, – вежливо кивнула Королева.

Каменир потрогал холеную бородку, в которой не было ни единого седого волоска. Ничего удивительного. Было бы странно, если бы борода отдавала серебром после окрашивания в одном из самых дорогих салонов Москвы.

– Мне, – он кашлянул, – мне сорок восемь лет. Произведя несложные арифметические действия, вы, Даша, можете вычислить мой возраст, скажем, – он опять откашлялся, – скажем, в дни небезызвестного Карибского кризиса. Ноябрь шестьдесят второго.

Королева быстро произвела расчеты, на то она и была Королева.

– Выходит, вы уже в шестилетнем возрасте курили сигары и распивали коктейли в барах? – изумилась она.

По аудитории прокатился веселый гул. Поморщившийся Каменир поднял руку:

– Тихо, тихо! Если вас так интересует, то кубинский коктейль и табак я впервые попробовал в конце семидесятых, когда был вполне совершеннолетним. – Ему пришлось основательно прокашляться, прежде чем продолжать дальше. – Но знание подобных фактов моей биографии не будет спо-

собствовать успешной сдаче экзамена, господа студенты... и студентки. – Каменир машинально пробежался взглядом по длинному ряду девичьих коленок, выставленных на его обозрение. Остановив глаза на затянутых в джинсы ногах Королевой, он уточнил: – Ни в коей мере. Поэтому давайте возвратимся к нашему предмету.

Отвернувшись, Каменир направился к вывешенной на доске карте. За его спиной установилась та самая тишина, которую принято называть звенящей. Ни перешептываний, ни смешков, ни шороха журналов с кроссвордами. Студенты Института туристического бизнеса отлично знали, каким принципиальным становится Эдуард Львович в периоды сессий. Если у тебя нет полного конспекта лекций, лишних пятидесяти долларов или красивых ножек, то даже не подходи.

«А с тебя, Королева, – мстительно подумал Каменир, – будет особый спрос. Джинсы в стиле унисекс, говоришь? Ты еще не знаешь, что такое унисекс, Королева. Ты еще побегаешь за мной в своих дурацких джинсах. Стоит мне захотеть, так ты из них сама выпрыгивать станешь. Как миленькая».

Каменир отчетливо вспомнил, как это бывает, и почувствовал сильнейшее возбуждение, смешанное с таким же сильным негодованием. Это несправедливо, когда, имея волшебный ключик к любой заносчивой недотроге, ты вынужден сдерживаться, отказывая себе в маленьких радостях жизни.

Взяв указку, он раздраженно ткнул ею в центр карты.

– Вот она, Куба. Население острова около десяти миллионов человек. Официальный язык – испанский, хотя в больших городах многие свободно изъясняются на русском, английском и на французском. – Бросив взгляд через плечо, Каменир отметил шевеление заинтересовавшей его пары ног и заговорил громче: – Природа Кубы удивительна по своей красоте. Равнины и горные массивы, реки и водопады, буйная тропическая растительность. Превосходное место для международного туризма. Температура зимой и летом примерно одинаковая, 25–28 градусов по Цельсию.

«У нас бы так, – добавил Каменир мысленно. – Но Москва – это не Гавана. До весны далеко, а зимняя стужа порядком поднадоела. Сколько можно? То снег, то ветер. Девушки вынуждены пододевать теплое белье, а выглядит оно не очень эстетично. То ли дело в Карибском бассейне, где, надо полагать, некоторые вообще без трусиков обходятся».

Размышляя об этом и о многом другом, Каменир механически сыпал фактами, которые лично ему не представлялись такими уж важными. Ну, Куба. Ну, полмиллиона туристов со всего мира ежегодно. Ну, знаменитый пляж Варадеро с мельчайшим песком. Что с того? Лично его, Каменира, полуголые и даже совсем голые мулатки, нежащиеся на белоснежном песочке, совершенно не привлекают. Ему русских девчат подавай, студенток, которые от сессии до сессии живут с парнями весело, а во время экзаменов начинают вспо-

минать и про своих преподавателей, н-да. Только в последнее время Камениру в этом плане, увы, не везло. Еще каких-нибудь пять годков назад студентки предпочитали погашать задолженности в частном, так сказать, порядке, а нынче откупиться норовят, словно он какой-то зачумленный.

Обидно. Жизнь проходит, а что за жизнь без приятных сюрпризов? Маета одна. Томление духа. А молодым что? Сплошные хиханьки да хаханьки.

– Вот вы, Андрусюк. – Каменир указал на рослую брюнетку, шушукающуюся с соседом на «камчатке». – Вы, вы. Повторите, пожалуйста, что я только что сказал.

На неохотно вставшей Галине Андрусюк оказалась самая короткая юбка, которую можно увидеть в феврале. Или это оптический обман? Каменир прищурился. Нет-нет, юбка действительно напоминает набедренную повязку, а ножищам Андрусюк может позавидовать страусиха. Так какого же лешего торчать на заднем ряду, прозябая среди желторотых юнцов? Неужели у этой вполне взрослой девушки со сформировавшейся фигурой нет иных интересов?

– Я жду, – напомнил Каменир, нервозно пощипывая бороду.

– Столица Кубы – Гавана, – промямлила Андрусюк.

– Это общеизвестно. Что еще?

– Расположена на северо-западе острова, население около миллиона...

– Кого?

– Чего: «кого»? – тупо переспросила Андрусюк.

– Страусов? – Каменир обвел взглядом аудиторию, приглашая присутствующих повеселиться вместе. – Или, может быть, крокодилов?

– Каких крокодилов?

– Кубинских, надо полагать.

В помещении весело грохнули, но Каменир лишь досадливо поморщился.

– Вы даже не понимаете, чего я от вас добиваюсь, Андрусюк, – сказал он. – Ну нельзя же так, в самом деле. Создается впечатление, что вы отсутствуете на лекции, витаете где-то в облаках. – Последовало неопределенное шевеление пальцами. – Почему-то мне кажется, что ваш не в меру общительный сосед слева тоже путает людей – с крокодилами, а учебу – с приятным времяпрепровождением на лекциях. – Каменир пренебрежительно усмехнулся. – Но учтите, весенняя сессия не за горами. И на вашем месте, Андрусюк, я бы пересел вперед, чтобы усваивать материал, не отвлекаясь на постороннюю болтовню.

– Я не отвлекаюсь, Эдуард Львович, – заныла девушка-страус, – честное слово, не отвлекаюсь.

Ее сосед набычился, избегая преподавательского взгляда. Напрасно старался. Этот недоносок совершенно не интересовал Каменира.

– Спускайтесь-спускайтесь, – настаивал он. – Вот, рядом с

Королевой свободное место есть. Здесь вам будет значительно удобней.

Поколебавшись, Андрусюк принялась собирать вещи. Каменир, изобразив на лице полнейшее равнодушие, откашлялся и заговорил снова:

– Гавана, о которой так занимательно рассказывала ваша сокурсница, была основана испанским конкистадором Веласкесом в 1519 году. С конца шестнадцатого века это был главный испанский порт на Антильских островах и перевалочная база по отправке в Испанию награбленного в Америке золота и серебра.

Протопав своими ходулями по ступеням аудитории, Андрусюк протиснулась на указанное место и уже приготовилась сесть, когда по институту разнесся трескучий звонок.

«Черт знает что такое, – подумал Каменир, сверившись с часами. – Вот так и старость нагрянет, не успеешь оглянуться...»

* * *

Как жить дальше?

Долгое время Галина Андрусюк не задавалась подобными вопросами, полагая, что судьба сама все за нее решит. Она плыла по течению, которое казалось ох каким бурным: из стороны в сторону, вверх-вниз, хип-хоп, шалтай-болтай.

Не замечая, как деревья то зеленеют, то осыпаются лист-

вой, моталась по дискотекам и ночным клубам, влюблялась и ссорилась, меняла одни тряпки на другие, теряла девственность, искала недорогую клинику для проведения аборта, снова влюблялась, снова что-то теряла, снова что-то искала.

Это были какие-то американские горки, а не жизнь. А ну, красивая, поехали катац-ца!

Гламу-у-ур, мон аму-у-ур – надрывались голоса в динамиках автомагнитолы. Унц-унц-унц – наяривала музыка. Вжик-вжик-вжик – мелькали лица, события, пейзажи.

Хэлло, мачо. Чао, мучача. Джага-джага, уси-пуси, ширли-мырли.

Что было реальностью, а что – стремительно сменяющимися кадрами музыкальных клипов? Это первый мальчик был похож на солиста группы «Мультфильмы» или же солист группы «Мультфильмы» напоминал любимого мальчика? И вообще, был ли он, мальчик? Наверное, был, раз после него полная пепельница окурков осталась. А любовь? Тоже как бы была. Если так, то почему на душе так гадко, и почему нужно идти в аптеку за мазью, название которой и выговорить-то стыдно.

«Мне... мне, пожалуйста... что-нибудь от... лобковых вшей...»

Что-о? Ох, и дура ты, Галюнчик! Брить одно место приучайся – теперь все так делают... Предохраняться тоже непременно надо – сейчас без контрацептивов только последняя идиотка бойфренда к себе подпустит... А потом еще

существует такая штука, как минет... Никогда не пробовала? Тю, так это же просто улет – экстази называется, на, угощайся... Пять баксов... десять... двадцать...

Прихоооод!!! Отхоооод!!! Дружно двигаем попами-и-и-и!!!

Унц-унц-унц – темно. Унц-унц-унц – светло. Вот ночь зажигает огни, вот утро красит нежным цветом. Но зачем же так быстро, господи!

Стоп! Откуда взялись три красные точки на локтевом сгибе? Ага, героиновые комарики прилетели: глюк-глюк-глюк. Почему же не колбасит, а колотит, выгибает, плющит?

Больно. Не так сильно, господи! Больно. Зачем мысли о смерти вместо обещанного чумового драйва? Больно. Где выход? Остановите Землю, я сойду... я сойду с ума, я сойдусума, ясойдусумаааааа!!!

«Уже сошла», – горько подумала Гала. Она и сама не заметила, как спустилась по лестнице, как оделась, как вышла из института.

На улице было холодно, срывался снег, тщетно пытающийся хоть немного прикрыть уличную слякоть. С сумкой через плечо, Гала брела вдоль длинной чугунной ограды, чувствуя себя обительницей какого-то гигантского зоопарка. Разумеется, она находилась внутри, а не снаружи, среди беспечных зрителей. Затравленным зверенышем – вот кем чувствовала себя Гала. Маленькая, беспомощная и беззащитная, несмотря на свой гренадерский рост.

Только никто не собирался ее жалеть или, тем более, спасать. Долг в размере 3200 долларов висел над ней как дамоклов меч.

Деньги занимались периодически, по частям, без нотариально заверенных расписок, без напрягающих разговоров о необходимости расплачиваться в срок. А когда набежала круглая сумма, щедрый кредитор заявил, что больше ждать не может. Подавай ему три тыщи баксов немедленно, не то плохо будет. Незнаю на что надеясь, Гала взяла отсрочку, которая обошлась ей уже в две дополнительные сотни, но денег так и не нашла.

Поездка домой, в Тулу, оказалась безрезультатной. Отчим лишь играл желваками, грозясь выпороть – тем самым пояском халата, который Гала сплела в петлю, обещая повеситься, если ей не дадут денег. Удушливо пахнувшая валерьянкой мать хваталась за сердце и порывалась падать в обморок – из этого следовало, что ей гораздо хуже, чем дочери, а это было лажей, фальшью, полной туфтой. Единственное, что смогли дать дочери предки, так это добрый совет. Ступай-ка ты, Галочка, в милицию, там тебе помогут.

Ага, как же! Лучше уж разбежаться да об стену головой. Когда кареглазый армянин Тигран объяснил долги, как и что именно сотворят с ней за подобные штучки, у Галы ослабли коленки, а сердце провалилось в пятки. Пузырек серной кислоты, выплеснутый в лицо, – это самое меньшее, на что она могла рассчитывать. Где же выход?

Она остановилась на аллее, тупо глядя сквозь прутья решетки на корпус института. Стоило ли так стремиться на учебу в Москву, которая ни своим собственным, ни чужим слезам не верит? И, главное, нужно ли было уподобляться безмозглой курице, несясь туда, куда ноги несут да глядят глаза? Впрочем, какие уж тут глаза! Курица-то оказалась не просто безмозглой, а безголовой. И все ее метания были предсмертной агонией.

Гала повернула голову, бросая завистливые взгляды на идущих мимо людей, которые сегодня казались ей особенно счастливыми и беззаботными. В большинстве своем это были студенты, направляющиеся по своим важным студенческим делам. Их ждут горячие обеды, веселые компании, кинотеатры, клубы, дискотеки, тусовки. А у Галы Андрусюк, которую нынче все инстинктивно обходили стороной, дорога одна. Сегодня – в общагу, где из жратвы почти ничего не осталось. И завтра – в ту же самую общагу, где жратвы не будет вовсе. А послезавтра – на панель, так распорядился Тигран.

Для начала ее поставят где-нибудь у дороги за пределами Садового кольца – это будет ее производственная практика. Потом, если Гала зарекомендует себя хорошо, ее переведут на доходное местечко в районе Тверской. Впечатляющая перспектива! Такими темпами, глядишь, уже в следующем году отправят на заработки в турецкий бордель. Так не лучше ли сразу закупить на последние деньги снотворного и...

– Спим на ходу, Андрусюк? Вы, как я погляжу, в своем излюбленном репертуаре.

Обернувшись на голос, Гала увидела перед собой преподавателя экономической географии, насмешливо вззирающего на нее. Занятая своими мыслями, она не услышала его приближения и ужасно растерялась, хотя не прогуливала занятия и вообще не делала ничего предосудительного.

Каменир ободряюще улыбнулся:

– Ну-ну, Андрусюк, не смотрите на меня, как Красная Шапочка на Волка, я вас не съем и даже не укушу.

Собственная шутка показалась ему настолько забавной, что он засмеялся, запрокинув бородку вверх и слегка наискось. Завороженно глядя на золотые коронки, мерцающие во рту развеселившегося преподавателя, Гала подумала: вот еще один человек, которому нет до нее никакого дела. Постоит, посмеется и пойдет дальше в своем красиво заснеженном тулупчике.

Но Каменир внезапно умолк и, продолжая держать голову на отлете, прищурился:

– Вы не заболели? У вас весьма бледный вид, должен заметить.

– Побледнеешь тут, – злобно выпалила Гала, перебросив ремень сумки на другое плечо. Длинный кожаный плащ из-

дал неприязненное шуршание.

Собрав бородку в кулак, Каменир сделался еще более внимательным.

– Неприятности? – коротко спросил он, бросив пару быстрых взглядов по сторонам.

– А вам-то что? – ошетинулась Гала.

– Мне-то ничего, – отозвался Каменир. – Но когда человеку плохо, он не должен оставаться один.

– С кем же мне оставаться? С вами, что ли?

Практически попрощавшись со студенческой жизнью, Гала обнаружила, что в ее положении есть один небольшой плюс. Можно грубить преподавателям, а можно вообще посылать их. Примерно это она собиралась сделать, когда услышала неожиданный для себя ответ.

– Нет, конечно, не со мной. – Новая улыбка Каменира была понимающей, мудрой и немножко печальной. – В свои, гм, сорок восемь лет я далек от молодежных проблем. Но почему бы вам не обратиться за помощью к сверстникам? Есть ведь подруги, знакомые, любимый человек, наконец. – Высказав это предположение, Каменир испытующе посмотрел на Галу, сделавшись отдаленно похожим на Владимира Ильича Ленина, беседующего с ходоком.

– Есть, – буркнула Гала, опустив голову.

– Не тот ли орел, который обхаживал вас на «камчатке»?

– Это я его обхаживала. Надеюсь на его сочувствие.

– А он?

– Такой же, как все. Да пошли они в...

Гала не договорила, но по ее гримасе было нетрудно догадаться, какое именно место имелось в виду.

Каменир хмыкнул:

– Почему так категорично?

– Потому что помощи ни от кого не дождешься. Один ответ: «Не грузи ты, Галюнчик, нас своими проблемами, у нас, Галюнчик, собственных хватает».

– Галюнчик? – умилился Каменир. – Значит, вас зовут Галиной? Галой, как возлюбленную несравненного Сальвадора?

– Сальвадора?

– Сальвадор Дали – величайший сюрреалист нашей эпохи.

Каменир качнулся в сторону, явно намереваясь пойти дальше.

– Подождите! – вырвалось у Галы.

– Да? – Он остановился.

Полноватое, немолодое, но в общем симпатичное лицо. Мушкетерская бородка. Подстриженные купеческой скобкой волосы, на которых не успевал таять снег. Рассматривая Каменира, Гала внезапно подумала, что именно на такого мужчину можно положиться в трудный момент. Пусть не положиться – хотя бы опереться. Поплакаться на его покатом, но все равно надежном плече.

– Я жить не хочу! – выкрикнула она. – Тошно мне! Вокруг одни зажавшиеся сволочи! Одни равнодушные твари

вокруг!

– Тише, тише. – Каменир воровато оглянулся, после чего взглянул на девушку полными упрека глазами. – Так нельзя, милая моя.

– Что нельзя? Называть сволочей сволочами?

– В крайности впадать нельзя. – Голова Каменира беспрестанно поворачивалась из стороны в сторону, как перископ затаившейся подводной лодки. – Кричать о своих проблемах на всю округу нельзя.

– А если у меня нервы на пределе? – спросила Гала, смахнув с ресниц то ли снежинку, то ли слезинку.

– Между прочим, у меня ведь тоже бывали моменты, когда казалось: все кончено, больше не выдержу. – Прежде чем закончить тираду, Каменир поприветствовал кивком кого-то из проходивших мимо преподавателей. – То учебник в редакции месяцами мурыжат, то жена бросит, то с работы попрут...

– Вас? – изумилась Гала. – С работы? За что?

– А вот за это самое, – туманно пояснил Каменир.

– За что: «за это самое»? – не унималась Гала, в которой, как в каждой женщине, было легче убить волю к жизни, чем любопытство.

– Случалось, ко мне обращались за помощью молоденькие студентки вроде вас. И я, по доброте душевной, – Каменир легонько хлопнул себя по груди, – помогал им, как мог. Были сплетни, наветы... Злые языки страшнее пистоле-

та. Совет кафедры решил, что преподаватель не имеет права общаться со студентками вне стен вуза. – Сокрушенное покачивание головой. – Ректор пошел на поводу у этих ханжей, которые во всем видят только разврат, грязь, мерзость. – Негодующий шлепок подошвы по мокрому снегу. – Результат был плачевен. Теперь вот на вольных хлебах, так сказать. Читаю лекции в разных институтах, пописываю статьи, учебники. И вы знаете, – он доверительно улыбнулся, – мне даже нравится. Хотя вначале я, подобно вам, стоял у черты отчаяния.

– Я ее уже перешагнула, черту, – глухо произнесла Гала.

– Э, милая моя, вы еще не знаете, что такое настоящее отчаяние.

– Знаю!

– Не надо драматизировать. – Каменир опустил голову, воровато оглянувшись через плечо. – Пусть вас удержит от последнего шага понимание того, что самоубийство – это всего-навсего мольба о помощи. Ты принимаешь снотворное или суешь голову в духовку лишь для того, чтобы люди узнали, как тебе было плохо. – Скорбный вздох. – Но, когда они узнают, помочь уже не сможет никто. Так что это ложный выход, ошибочный. – Каменир поводил указательным пальцем перед Галиным носом. – Тупик, из которого нет возврата. Смерть при попытке бегства от себя самого. Стыдная смерть. Бессмысленная.

«Эх, вот человек, с которым горе – не беда, – пронеслось

в мозгу Гали. – Такой всегда сумеет разглядеть, что творится на душе ближнего. Не отвернется, не оттолкнет, поможет, чем сможет». Перед ее мысленным взором возникла радужная картинка. Она, Гала, одетая в любимую розовую пижаму, сидит на кровати, проблема с Тиграном давно улажена, а Каменир, немного забавный и неуклюжий, крутится рядом, кормя Галу чуть ли не с ложечки, рассказывая всевозможные истории, похожие на сказки, вовремя замолкая, вовремя отстраняясь, вовремя подсаживаясь поближе, чтобы выслушать, понять и утешить.

– Эдуард Петрович! – вырвалось у нее.

– Львович, – слегка нахмурился Каменир.

– Побудьте со мной еще немного, Эдуард Львович. Пожалуйста!

– Ох, милая моя. Мы и так торчим у всех на виду вот уже, – Каменир сверился с часами, – вот уже двадцать минут. Прикажете потом снова другую работу искать?

– Мы могли бы посидеть где-нибудь в кафе, – жалобно произнесла Гала.

– Нет уж, увольте. Из этого факта потом такое событие раздуют, что... – не найдя нужных слов, Каменир лишь взмахнул портфелем. – Лучше... – Он оглянулся, а потом испытующе посмотрел на Галу исподлобья. – Лучше поедемте ко мне, если это вас не пугает.

– Да вы не страшный совсем. – Гала отважно улыбнулась.

– Конечно, стоит ли бояться старика? – подмигнул ей Ка-

менир.

– Ой, какой вы старик! Просто пожилой, вот и все.

Странное дело, но бесхитростный Галин комплимент возымел не то действие, на которое она рассчитывала. Щека Каменира дернулась, как от удара, после чего и его улыбка, и борода некоторое время оставались в перекошенном состоянии.

– Да, годы идут, – крикнул он. – Не щадят никого.

– Я не то хотела сказать! – воскликнула Гала, испугавшись, что Каменир отменит свое приглашение.

Но он не отменил. Показал троллейбусную остановку на противоположной стороне улицы и сказал:

– Ждите меня там, я подъеду минут через пять.

– Ага, – с готовностью кивнула Гала.

– Если вдруг передумаете, то ничего страшного. Вольному, как говорится, воля.

– Ага.

– Можем даже попрощаться прямо сейчас, – закончил свою мысль Каменир.

– Ага, ага, – машинально покивала Гала. – Ой, что вы, Эдуард Львович! – Она всплеснула руками и едва успела поймать соскользнувшую с плеча сумку. – Я совсем не то имела в виду.

Каменир высмотрел брешь в сплошном потоке машин, втиснулся туда на своей «Шкоде» и, проехав пару сотен метров, развернулся в противоположном направлении. Его ухмылка исчезла, сменившись настороженным вниманием. А вдруг эта страусиха передумала и смылась, пока он ходил за тачкой? Что ж, это плохо для него, но для нее – значительно хуже. Нынешние проблемы покажутся Галине Андрусюк детскими забавами по сравнению с теми, которые Каменир устроит ей в ходе весенней сессии.

– Так что не шути с огнем, Галюнчик, – пробормотал он, взглядываясь в человеческие фигуры возле остановки. Зрение у него сдало за последние годы, да и лобовое стекло, усыянное брызгами, не способствовало хорошему обзору. Прижав «Шкоду» к бордюру, он проехал несколько метров со скоростью черепахи, но так и не увидел долговязой студентки.

– Чтоб ты сдохла, тварь голенастая!

В сердцах хватив кулаком по баранке, Каменир уже приготовился прибавить газу, когда прямо перед капотом возникла призывно машущая фигура в черном плаще.

– Эдуард Львович!

Это была Гала собственной персоной, выскочившая прямо на проезжую часть. Как только она забралась на пасса-

жирское сиденье и захлопнула за собой дверцу, салон наполнился запахом ее не очень дорогих, но приятных духов.

– Решили меня бросить на произвол судьбы? – весело спросила она, уместив сумку на коленях.

– И в мыслях не было, – искренне ответил Каменир, трогая «Шкоду» с места. – Просто я не заметил вас на остановке.

– А я в магазин бегала. – Гала простодушно захлопала ресницами.

– Зачем?

– Да так...

– Это не ответ, – строго сказал Каменир, ведя машину в первом ряду.

– Ну... – помявшись, Гала решила раскрыть карты. – Я подумала, что вы меня захотите чем-нибудь угостить, мужчины ведь всегда угощают. А я ни водку, ни коньяк на дух не переношу. Вот и купила себе парочку банок слабоалкогольных коктейлюшек. – Спohватившись, Гала повернулась к Камениру. – Ой, опять я глупости болтаю. Я вас тоже могу угостить, Эдуард Львович.

– Нет, Андрусюк, – строго сказал Каменир. – Это исключено.

– Почему?

– Потому что мы будем пить только кофе.

– Но я не люблю кофе! – воскликнула Гала.

– Любишь меня, полюби и мою собаку, как говорят англичане.

– Какую собаку?

Каменир покрутил головой и терпеливо пояснил:

– Вам придется довольствоваться кофе, Андрусюк. Порядочный преподаватель не станет распивать спиртное со своими студентками, это элементарное правило. Ведь мы едем ко мне, чтобы пообщаться в непринужденной обстановке, не более того. Таковы мои принципы, и вам придется их уважать, если вы хотите сохранить со мной доверительные отношения.

– Вот вы какой, – протянула Гала, не отрывая глаз от обращенного к ней мужского профиля.

– Какой? – притворился непонимающим Каменир, хотя наивное восхищение молоденькой девушки польстило его самолюбию.

– Такой.

– Очень исчерпывающий ответ!

– А я по-другому не умею сказать, – призналась Гала и, скрывая смущение, предложила: – Знаете что, дайте мне тряпку, я стекла протру. Запотели совсем.

Каменир вспомнил, как лет десять назад одной изрядно подвыпившей двоечнице пришлось проделывать аналогичную процедуру, но не тряпкой, а собственными трусиками. Правда, в остальном проку от нее было мало. Раскисла, расклеилась, разнюнилась. «Нет ничего отвратительней пьяных женщин», – подумал Каменир, после чего приоткрыл форточку и улыбнулся спутнице:

– Сделайте то же самое, и через пару секунд стекла будут прозрачными, как слеза младенца.

– А мы не замерзнем? – встревожилась Гала.

– Не успеем, – заверил ее Каменир. – Что-что, а смерть от переохлаждения нам не грозит.

Пока Гала размышляла, стоит ли смеяться этой шутке, «Шкода» сделала правый поворот и нырнула в арку, распахнувшуюся навстречу, как пасть левиафана.

Глава 5

Сеанс психотерапии

Жилище Каменира, которое он почему-то назвал пенатами, представляло собой порядком захламленную квартиру с застоялым холостяцким запахом. Избавляясь от шелестящего плаща, Гала высмотрела на стене прихожей черно-белый портрет какого-то седобородого дядьки с трубкой и перевела оценивающий взгляд на Каменира:

– Дедушка ваш?

– Папаша Хэм, – последовал маловразумительный ответ.

В Галиных ушах это прозвучало как «папаша, гм». Она предположила, что Эдуард Львович не слишком жалуется отцу, но все-таки отважилась на приличествующий моменту комплимент.

– Вы с папой такие похожие, – сказала она.

– Н-да. – Каменир озадаченно уставился на фотографию, перевел взгляд на трюмо и потерял бородку. – Очень может быть.

– Вы один живете? – Стащившая сапоги Гала топталась на овальном коврикe, выискивая взглядом тапочки, в которые можно было бы переобуться.

– Таков мой удел, – закричал Каменир, расстегивая «молнии» на своих скрипучих ботинках.

Воспользовавшись тем, что наклонившийся хозяин квар-

тиры за ней не наблюдает, Гала проворно одернула свитерок, огладила юбку и энергично взбила волосы до необходимой пушистости. Собственное отражение ей, как всегда, понравилось. Высокая, узкобедрая, с ногами, которые не оставляют равнодушным ни одного мужчину. Если, конечно, мужчина не педик.

– А почему от вас ушла жена? – спросила Гала у согнутой спины Каменира.

Пощелкивая суставами, он распрямился и с укором взглянул на гостью:

– Не слишком ли много вопросов для начала знакомства, Андрусюк?

– Если хотите, можете называть меня по имени, Эдуард Львович.

– Пока воздержусь, – сухо отозвался Каменир. – Выбирайте себе подходящие тапки и прошу за мной. – Он показал на тумбочку, а потом сделал приглашающий жест в сторону длинного узкого коридора.

– Вообще-то у меня размер маленький, – сообщила Гала, возясь возле тумбочки. – Это только кажется, что ступня большая.

– Размер, н-да, – рассеянно повторил Каменир. – Размер не имеет значения. Обулись? Пойдемте. Думаю, нам будет удобнее общаться в гостиной.

Через несколько секунд они вошли в квадратную комнату, которая с равным успехом могла бы быть названной и ка-

бинетом, и столовой. Множество книг и грязной посуды – вот что бросалось в глаза прежде всего. Заметив, что Каменир намеревается убрать со стола, Гала кинулась было на помощь, но он усадил ее на диван, велел не суетиться и занялся наведением порядка самостоятельно.

Прежде чем удалиться на кухню со стопкой тарелок, он включил музыкальный центр, и колонки выдали порцию какого-то странного ритмичного цокота, от которого волосы на Галиных руках встопорщились, а кожа пошла пупырышками. Цокот сопровождался низким, едва различимым гулом и томительно-тягучими нотами, отдаленно напоминавшими завывание мартовских котов.

Ваааууу... Ваааууу...

– Странная музыка, – пожаловалась Гала возвратившемуся Камениру.

– Нравится? – улыбнулся он, сгребая со стола объедки и мусор.

– По правде говоря, не очень.

– Это только поначалу. Скоро вы войдете во вкус.

Надо полагать, динамики музыкального центра были очень мощными. Хотя музыка звучала негромко, от уханья басов в Галиной голове образовалась неприятная гулкая пустота. Гулявшие в этой пустоте звуки отдавались резонирующим эхом.

ЦОК-ЦОК... ца-ца-ца!

Тюрлинг-тюрлинг... БАААУУУ...

– А нельзя что-нибудь другое поставить? – занервничала Гала.

– Зачем кричать? – удивился Каменир. – Я тебя прекрасно слышу.

– Да музыка эта!

– Расслабься и ни о чем не беспокойся, Андрусюк. Сейчас я принесу кофе, а потом мы спокойно обсудим твои проблемы и найдем единственно верное решение.

Цока-цока-тон...

– Так вы мне можете? – обрадовалась Гала.

– Разве может быть иначе?

С этими словами Каменир опять оставил гостью одну, но теперь музыка ее не раздражала, а, наоборот, успокаивала. Это потому что скрипки подключились, догадалась откинувшаяся на спинку дивана Гала. Какое приятное пиликанье. Будто кто-то по макушке поглаживает... И по животу... И ниже...

Ощущение неги усилилось, когда явился заботливый Каменир, вручивший Гале блюдечко с установленной на нем чашкой.

– Я не хочу кофе, – неуверенно сказала она.

– Разве возможен доверительный разговор без этого чудесного напитка? – произнес он, устроившись в кресле напротив. – Кофе бодрит, обостряет мысль, способствует ясному пониманию действительности. Ведь так?

– Так.

– Тебе удобно?

– Да, спасибо, – откликнулась Гала. – Мне очень удобно.

И очень у вас нравится.

– Главное, не нужно напрягаться, – сказал Каменир. – Чем непринужденнее наша поза, тем комфортнее мы себя чувствуем, правда?

– Конечно.

Журнальный столик, разделявший их, был слишком низким. Гала сдвинула колени поплотнее и подумала, что следовало бы сесть к Камениру вполоборота. Но он был такой милый. И не делал ни малейших попыток заглянуть Гале под юбку. Кроме того, ей вообще было лень двигаться. Вся ее энергия уходила на то, чтобы подносить чашку к губам и послушно глотать горячий напиток. Все-таки она здорово вымоталась за последнее время.

Цока-цока-тон... Тюрлинг... Вау...

– Все-таки я здорово вымоталась за последнее время, – откровенно призналась Гала, отставляя опустевшую чашку. Собственный голос показался ей неожиданно чистым и глубоким.

– Стресс, – покивал Каменир. – От него нужно избавляться.

– Но как?

– Как от старой одежды. Решительно и бесповоротно.

Как тонко он это подметил! Мудрый, всепонимающий дядька, которому не повезло с папашей. Зато Гале повез-

ло, даже очень. Она наконец встретила мужчину, способного взять над ней покровительство. При одной мысли об этом на сердце стало тепло, а потом горячая волна поползла по всему телу.

Цокатон, тюрлинг, вау.

Гала судорожно зевнула.

Спать ей не хотелось, но вялость и апатия овладевали ею все сильнее. Как в детстве, когда родители не забывали перед сном присесть рядом, чтобы погладить ее по голове.

– Спасибо, Эдуард Львович, – сказала она. – За все спасибо.

– Благодарить будешь потом, – остановил ее Каменир властным жестом. – Сейчас не время. Нужно искать выход из создавшегося положения. Ведь так?

– Так, – подтвердила Гала, с трудом подавляя зевок.

– Мы вместе собираемся избавиться от стресса, верно?

– Ну да. Как от старой одежды.

– Что требуется для этого в первую очередь?

– Что требуется?

– Смотреть правде в глаза, – наставительно сказал Каменир. – Видеть ее во всей ее наготе.

Последнюю фразу он повторил несколько раз, видоизменяя ее на все лады, но постоянно подчеркивая ключевое слово. Это слово было «нагота». А когда Каменир принялся рассуждать о фактах, он настаивал, что дело следует иметь именно с голыми, а не с какими-нибудь другими фактами.

– Усвоила? – строго спросил он по завершении своей маленькой лекции.

– Усвоила, – подтвердила Гала и повторила, как заклинание: – Видеть в наготе. Факты – голые. Избавляться от одежды.

– С прошлым надо кончать, – настойчиво говорил Каменир. – Надо кончать с прошлым. Кончать, слышишь?

– Слышу, – пролепетала Гала.

Ее затвердевшей груди сделалось тесно в чашечках бюстгальтера. Разбухшие фасолы сосков прощупывались даже сквозь грубую ткань свитера. Трогая их, Гала забыла обо всем на свете.

– Не спи! – предупредил Каменир.

– Я не сплю. – Подняв глаза Гала послушно захлопала ресницами.

– Прошное тебя еще тяготит?

– С ним надо кончать.

– Знаешь, как это?

– Ох-х, да-а... – Не в силах вымолвить больше ни слова, Гала скрючилась на диване, заплетя ноги чуть ли не в морской узел. Чем сильнее она стискивала ляжки, тем жарче делалось между ними. Как будто там масло помаленьку растапливали. Да и сама Гала была готова растаять.

Каменир приблизился к компьютеру, установленному в дальнем углу комнаты, включил его и стал ожидать загрузки, то и дело потирая ладони. Но шороха слышно не было.

Он тонул в постепенно убыстрявшейся музыке. Зато голос Каменира звучал отчетливо.

– Встань, – потребовал он. – Пора приступать к главному.

– Можно, я сниму свитер? – спросила вскочившая на ноги Гала. Ее коленки мелко ударялись друг об друга, челюсти неровили сцепиться намертво, одеревеневший язык с трудом ворочался во рту.

– И свитер, и все остальное, – улыбнулся Каменир. – Но не сразу. Чуть позже.

– Мне хочется, чтобы меня обняли. Крепко-крепко.

– Я знаю, – подмигнул Гале Каменир.

Цока-тон, цока-тон.

– Откуда? – удивилась она.

– Ответ на все вопросы здесь.

– Где?

– Здесь. – Каменир щелкнул пальцем по экрану монитора. – Иди сюда.

– Я сначала разденусь, ладно? – спросила Гала, конвульсивно подрагивая. – От одежды нужно избавляться... обязательно нужно... решительно и бесповоротно... стресс...

– Я сказал: сюда! – Голос звучал властно и неправдоподобно звучно. – Ко мне!! – Не повиноваться такому голосу было невозможно. – Быстро!!!

– Бегу-бегу...

Все, что успела сделать Галина, – это стащить на ходу свитерок, после чего ее черные волосы потянулись наэлектри-

зованными нитями к светящемуся экрану компьютера. Перед ее глазами всплывали и исчезали причудливые диаграммы, схемы и графики. Они были такими яркими, что оторваться от них было невозможно. Особенно потряс Галу график, озаглавленный «Динамика роста». Впрочем, название могло быть совсем иным, потому что оно беспрестанно менялось. А графический зигзаг пульсировал всеми оттенками красного, извиваясь, подобно живой змейке. Она, эта змейка, танцевала под музыку, звучащую не где-нибудь, а непосредственно в Галиной голове.

– Теперь ты видиш-шь, – прошептал голос.

График полыхнул алым.

– Вижу, – подтвердила Гала.

– Чего же ты ждеш-шь?

Змеящийся график полыхнул пурпурным.

– Сейчас-сейчас.

Расстегивать юбку на ощупь оказалось сложновато, но зато потом дело пошло на лад. Только куда девать ворох старой одежды? От нее нужно избавиться, и как можно скорее. Как от стресса, решительно и бесповоротно.

– Уберите куда-нибудь, – попросила Гала, протягивая одежду в окружающую ее темноту. – А лучше сожгите.

– В этом нет необходимос-сти, Андрус-сюк, – прошипела пляшущая перед глазами змейка. – Ты ведь потом оде-неш-шься и поедеш-шь домой, как ни в чем не бывало, слышиш-шь?

– Слышу.

– И никогда не сможешь вспомнить, где была, что делала, с кем проводила время. Так?

– Так.

– Значит, будем кончать с прошлым?

– Будем, – всхлипнула Гала.

Смутно знакомый голос обстоятельно объяснил, в чем кроется корень всех ее несчастий и проблем. Оказывается, она ведет совершенно неправильный образ жизни. Оторвалась от породившей ее природы. Взять тварей земных: они не обременяют себя сексуальными условностями, а потому живут счастливо и беззаботно, в гармонии друг с другом и окружающим миром. Рыбы, птицы, гады, звери – все они подчиняются самому главному инстинкту, половому. График, между прочим, это подтверждает. Теперь, Андрусюк, понимаете?

– Да, – прошептала Гала, потрясенная глубиной открывшейся перед ней истины.

– Кто-нибудь тебя сегодня ждет? – продолжал допрос голос.

– Нет.

– Твое отсутствие может вызвать переполох?

– Нет.

– Отлично. Тогда возьми эту штуковину и докажи на деле, что ты усвоила урок. Доверься половому инстинкту.

Гала слепо протянула руку и взяла протянутый предмет.

Ей не было ни стыдно, ни противно. Разве что немножечко больно, но все равно приятно. Она была готова заниматься этим с утра до ночи, если потребуется.

Только возилась с предметом уже не та, прежняя, Галина Андрусюк, а другая, очень похожая на нее девушка. Галина же временно исчезла, и ни одна живая душа не подозревала об этом. В том числе и она сама.

Глава 6

Рыжий человек, рыжий, рыжий

– Человеку, а-а, свойственно постоянно стремиться к чему-то новому, к чему-то лучшему, высокому, светлому, – задумчиво произнес репортер передачи «Москва – москвичам». – Это отлично известно высококлассным специалистам строительной компании «Седьмое небо». И они изо всех сил стремятся сделать нашу с вами, а-а, сказку – былью...

Разглагольствующий перед телекамерой репортер смотрел не в объектив, а чуточку выше, где размещался экранчик с бегущим текстом. Когда передача выйдет в эфир, наивные зрители будут убеждены, что парень здорово насобачился в произнесении красивых, грамотно составленных фраз. Они также не заподозрят, что данный сюжет значительно обогатил как телекомпанию, так и съемочную группу, мерзнущую на пронизывающем февральском ветру. И никогда не узнают, что на самом деле репортер думает вовсе не о них, телезрителях, а о куда более близких ему вещах. О причитающейся премии от компании «Седьмое небо», о сорвавшейся в загул супруге, о том, что надо бы поскорее спрятаться в машину, пока нос не покраснел, как у горького пьяницы. Красноносых, да и просто сопливых репортеров не жалуют ни начальники, ни жены. Их быстро заменяют новыми – кон-

курентов хоть отбавляй.

Голос репортера зазвучал в более высокой тональности:

– Успех, а-а, достижение новых целей и новых, а-а, вершин заставляет нас менять стиль и темп жизни. Мы предъявляем, а-а, новые требования к тому, как и где мы обитаем, как проводим свое время...

Репортер покосился на дожидющийся его микроавтобус со включенной печкой и подумал, что пора бы наконец разобратся с времяпровождением супруги. Где сейчас ошивается эта вертихвостка и, главное, с кем?

Репортерская скороговорка сделалась сбивчивой:

– Природа заложила в нас естественное стремление к, а-а, неустанному улучшению нашего земного бытия. Мы постоянно ищем гармонии с окружающим миром, стремимся к комфорту, красоте, изяществу форм и, а-а, содержания. Вот почему спрос на элитные дома компании «Седьмое небо» растет не по дням, а по часам. Человек – это звучит гордо. Человек, ставший клиентом, а-а, компании, может гордиться собой вдвойне.

Заподозрив, что из ноздри вот-вот выскользнет предательская капля, репортер повернулся к камере вполоборота и показал на возвышающееся за его спиной здание:

– Новая квартира в фирменном доме «Кутузов» – это не просто, а-а, символ благополучия. Это в высшей степени удобное жилье, призванное, а-а, максимально удовлетворить насущные потребности каждого индивидуума.

Пока оператор давал крупный план здания, репортер молниеносно достал носовой платок, привел себя в порядок и затараторил с удвоенной энергией:

– Быстро, аккуратно, надежно и, а-а, технологично – вот главные принципы, взятые за основу при возведении здания специалистами «Седьмого неба». Сочетание красоты и интеллекта ощущается с самых первых секунд пребывания в двенадцатиэтажном храме, а-а, комфорта. Автоматические двери на фотоэлементах мгновенно распахиваются при приближении, и взору открывается роскошный холл, отделанный лучшими сортами мрамора. – Несмотря на то, что съемочную группу не пустили даже на порог здания, репортер говорил без запинки, такая уж у него работа была. – Внутренние интерьеры дома соединяют в себе нестандартные, а-а, дизайнерские решения и элегантность классических, а-а, линий и форм, изысканность и одновременно, а-а, атмосферу теплоты и уюта. Звуки струящейся, а-а, в фонтане воды отвлекают от казавшихся еще минуту назад столь важными, а-а, забот и проблем...

В голосе репортера прорезались тревожные нотки, поскольку упомянутые звуки струящейся воды напомнили ему о полутора литрах пива, выпитых перед поездкой. Кое-как закруглившись, он пристроился к заднему скату микроавтобуса и зажурчал, блаженно постанывая.

Выгонят к чертовой матери за такие штучки, беззлобно подумал оператор, сворачивая аппаратуру. Болван. «Акает»,

пиво глушит, мочится у прохожих на виду. Имеет два предупреждения, а выводов не сделал. Ну и шут с ним. Может, за какой-нибудь молоденькой закрепят. Они, молоденькие, хоть и неопытные, но с пониманием...

Через несколько минут автобус с надписью «Телевидение» укатил в неизвестном направлении, а дом, носящий громкое название «Кутузов», остался стоять там, где однажды возник в соответствии со специальным указом московской мэрии. Стоил он без малого сто миллионов долларов. Так называемой чистой, гм, прибыли принес всем заинтересованным лицам столько же плюс полстолько.

Кто же мог себе позволить проживать в здешних тридцати квартирах площадью до 230 квадратных метров? Кто плевал в эти высоченные потолки за сейфовыми дверями, кто топтал паркетные полы из ценнейших пород дерева, кто взирал сквозь тройные стеклопакеты окон на соседние многоэтажки-замухрышки?

«Кутузов» хранил в тайне и это, и многое другое. По сути, это была крепость, куда более неприступная, чем те замки, в которых прятались от своих вассалов средневековые феодалы. О безопасности и комфорте жильцов круглосуточно заботились дежурные администраторы, службы охраны и эксплуатации, многочисленные секьюрити. Само здание и прилегающая территория контролировались современнейшими системами видеонаблюдения, а также автоматической системой пожаротушения.

No pasaran!

Два тщательно охраняемых подземных этажа, занятые под паркинг автомобилей, были оснащены не только мойками, но и лифтом, позволяющим подняться в холл. Тут же, не выходя из дома, можно было отдохнуть душой и телом в шикарном салоне так называемых SPA-услуг: попариться в любой бане на выбор, омолодиться в косметических кабинетах, погарцевать в фитнес-зале, пожеманничать в парикмахерском кресле. Приверженцы здорового образа жизни непременно заглядывали в фитокафе, а потом уж отправлялись кушать домой, возносясь на свои этажи в бесшумных лифтах, как на крыльях.

Квартиры встречали их налаженным микроклиматом. Тут тебе и система центрального кондиционирования с электронной вентиляцией, и автоматическое пылеудаление, и оптико-волоконная линия доступа в Интернет. Казалось бы, живи – не хочу. Многие так и поступали: как бы не очень хотели, но как бы жили. Зачем? Во имя чего? Спроси их – обидятся. А еще хуже, если пустятся в пространные объяснения, разглагольствуя об общечеловеческих ценностях, базирующихся на рыночных отношениях. Только настоящий рынок вон он – заплеванный, загаженный, набитый поддельными товарами со смазанными этикетками на иностранных языках. Удел жалких, ничтожных людишек, не способных ни льготные квоты отхватывать, ни тендеры выигрывать, ни заниматься чем-либо другим, столь же полезным и приятным

одновременно.

«Кутузов» населяли существа иного сорта, способные заплатить за квадратный метр своей территории от четырех до десяти тысяч долларов. Всякую мелочь пузатую сюда даже на пистолетный выстрел не подпускали, мигом заворачивали обратно. Риелторам, продававшим эксклюзивные квартиры, было строго-настрого приказано осуществлять жесточайший фэйс-контроль и не связываться с первым встречным, какие бы деньги тот ни сулил. Получилось нечто вроде элитного клуба с ограниченным доступом. В него входили имущие не только капиталы, но и власть.

Всех и вся имущие. Чаще всего насильственным образом.

* * *

Если вас когда-нибудь пригласят в приличное «кутузовское» общество, то не тужьтесь напрасно, дергая на себя бронзовую дверную ручку. Дверь все равно не поддастся, пока вы не представитесь недоверчивому глазку видеокамеры:

– Такой-то, явился к тому-то.

– Подождите, пожалуйста.

Если вы действительно тот, за кого себя выдаете, не пройдет и пяти минут, как пропоет мелодичный гудок, что-то щелкнет, что-то звякнет, дверь мягко распахнется. Останется лишь выдержать неприятную процедуру просвечивания металлоискателями, после чего путь будет свободен. Поты-

кавшись в разные углы холла, вы обнаружите нишу с кабинками лифтов. Смело выбирайте любую и – в добрый путь. Мягкий толчок, а через несколько секунд: «динь-дилинь, приехали». Не успеешь и опомниться, как ты уже на самом верхнем этаже. Здесь, кстати, размещается только одна квартира, зато самая просторная, самая шикарная во всем доме.

Очутившись внутри апартаментов, старайтесь не слишком пялиться по сторонам. Делайте вид, что у вас тоже хватает комнат и залов, по которым можно бродить с утра до вечера, отдыхая то на диване, то в кресле, то на просторном спальном ложе под королевским балдахином. Притворяйтесь, что у вас точно такие же каминьки, общим числом три: первый – кремовый с бежевыми прожилками, второй – черно-сизый с мерцающими крапинками, последний – из белого мрамора с фиолетовыми прожилками. Пузатыми вазами с китайскими миниатюрами нас тоже не удивишь, у нас полным-полно таких ваз, просто ставить некуда. И раскидистых, как баобабы, люстр хватает, и бронзовых канделябров (на кой хрен они, кстати говоря, нужны при наличии электрического освещения?). Подлинники мастеров живописи? Видали мы эти подлинники! Красного дерева часы величинной с платяной шкафом? Эко диво, тьфу!

И только очутившись в одной из трех ванных комнат, где никто за нами не подсматривает (хотя кто знает, кто знает...), можно дать волю чувствам, трогая все эти золоченые финтифлюшки да краники, оглаживая кафельные и фаянсо-

вые поверхности. Не та красота, которая спасет мир, но все равно здорово.

Однако по-настоящему дух захватывает в персональном зимнем саду, сооруженном на верхушке «кутузовского» дома. Вот где поистине райский уголок! Попав внутрь, невольно задаешься вопросом, почему господь изгнал из Эдема Адама и Еву, а некоторым их куда более грешным потомкам обеспечил райское существование непосредственно на земле?

В этом божественном оазисе удушливо благоухают тропические цветы, топорщатся манговые заросли, подают жутковатые голоса яркие попугаи. Правда, их приходится держать в клетках, поскольку сад необходимо постоянно проветривать, открывая фрамуги. По этой же причине помещение невозможно оградить от вездесущих московских воробьев, непринужденно купающихся в искусственном озерце или склевывающих диковинных жучков с магнолий.

Но не только воробьям тут раздолье – сад настолько велик, что трудно сказать, то ли он является продолжением апартаментов, то ли сами апартаменты пристроены к саду. Для того чтобы сюда беспрепятственно проникал солнечный свет, добрую треть кровли возвели из высокопрочного стекла. Под полом тянулась целая система насосов, дренажных отводов и трубопроводов. Помимо центрального отопления была задействована установка, отвечающая за воздушный

подогрев. Исправно функционировала система полива растений. В растворном узле готовились минеральные удобрения.

Уход за садом осуществляла команда из трех человек, к которой, в случае необходимости, подключались механик или электрик. Но все эти работяги твердо усвоили одно простое правило: не хочешь потерять теплое местечко – не попадайся на глаза хозяину. Стоило персоналу получить сигнал о его приближении, как они моментально испарялись, подобно бесплотным духам.

Он любил находиться в саду в полном одиночестве, особенно когда за стенами его персонального рая бушевала непогода. За прозрачной торцевой стеной вселенский потоп, по стеклянной крыше низвергаются хляби небесные, а он блаженствует в шезлонге, изолированный от любых бед и напастей...

Только не поддавайтесь зависти и избегайте мыслей, будто обладатель сей роскоши вас когда-то где-то как-то обобрал. Ложь. Поклеп. Ну, может быть, ему и пришлось маненько нажучить Иванова с Сидоровым, может быть, даже несколько миллионов таких ивановых с сидоровыми, но ведь не вас лично, правда? Так что восхищайтесь скромным обаянием буржуазии и помалкивайте в тряпочку. Не то...

– Яйца оторву! – прорычал Кочер, мечась по бильярдной.

Углы просторного помещения тонули во мраке. Там, напоминая притаившихся гиппопотамов, тускло лоснились низкие диваны, мерцали бутылки в зеркальных гротах бара, томился в ожидании неизвестно чего черный суперплоский телевизор с чуть ли не двухметровым экраном. В круге света находился лишь громадный стол под зеленым сукном, черный щит с записанным мелом счетом, кийная стойка да открытые ящики на резных ножках, в которых хранились шары, желтоватые, как черепа убиенных младенцев.

Сам Кочер то появлялся на свету, то вновь ускользал в тень. Что-что, а эту тактику он освоил досконально.

– Падла! – возник.

– Паскуда! – пропал.

Хотя Кочер ругался, как пьяный сапожник, был он человеком весьма уважаемым, известным не только в деловых, но и в политических кругах. О его международной корпорации, ворочающей миллионами долларов, писали в прессе и даже вскользь упоминали по телевидению. Именовалась она по-английски «Голден хиллз», а по-русски – «Золотые горы». Никто, кроме Кочера, не знал, откуда взялось это название, а он на эту тему не распространялся. Не объяснять же каждому, что это была дань детству, когда маленький Кочер лю-

бил напевать песенку из мультфильма «Вовка в Тридевятом царстве». Звучала песенка так: «Имел бы я-а златые горы и ре-е-еки по-олные вина-а...» Далее следовала строчка «но крашу, крашу я заборы», которую будущий мультимиллионер интуитивно недолюбливал, а потому замалчивал. И правильно делал. За свою жизнь он не покрасил ни одного забора, даже самого маленького. Его предназначение было иным.

К началу третьего тысячелетия от Рождества Христова Кочер стоял на ногах так прочно, что не повалишь. Начиная он, как многие, с банального кидалова да мочилова, а по прошествии лет его корпорация ворочала мультимиллионными капиталами, и не было в столичном бизнесе места, где бы он не имел своего интереса. Курочка по зернышку клюет, а господину Кочеру, весившему без малого сто кэгэ, таких зернышек требовалось ой как много. И без доступа к государственной кормушке он чувствовал бы себя обделенным.

Путевкой в большую жизнь послужило мимолетное высказывание Чубайса, отзывавшегося однажды о Кочере как о честнейшем предпринимателе, с которым можно иметь дело. Для людей понимающих это означало многое. Правда, Кох и Гайдар забывали упомянуть Кочера в своих высказываниях, но они давно не пользовались тем авторитетом, как на заре перестройки. Кочер запросто обошелся без их рекомендаций, проталкиваясь к «шведскому столу», как шутливо именовали в определенных кругах благодатную ниву приватизации. Урвал кусок здесь, урвал кусок там, перемолол,

проглотил, снова хапнул, не позволяя оттеснить себя от дармового пирога – Кочер здорово поднаторел в этой деятельности. Сливки снимали другие, но и такие, как он, внакладе не оставались, энергично работая локтями и челюстями. При этом хорошим тоном считалось не просто жевать, а поддерживать светскую беседу, рассуждая о священных принципах частной (чав-чав) собственности, о либерализации (чав-чав) и интеграции (чав-чав).

Предки Кочера были выходцами из Германии, но он никогда не жалел о том, что родился в России. Правда, страну, считавшуюся его родиной, он не жалел тоже. Нищенствует? И пусть нищенствует. Таково ее историческое предназначение.

Что вы волнуетесь за всяких неудачников, отчитывал Кочер оппонентов в ходе телевизионных дебатов. Ну, вымрет тридцать миллионов, так что же? Они не вписались в рынок. Не думайте об этих лентяях – новое поколение вырастет, предприимчивое, жизнеспособное.

Русские люди страдают по собственной вине, утверждал Кочер. Их никто не оккупировал, никто не покорял, никто не загонял за колючую проволоку. Они сами развязывали войны, сами садились в тюрьму и сами себя расстреливали. Работать до седьмого пота не любили, предпочитая философствовать да пьянствовать. В итоге русский народ лишь пожинает то, что посеял. И поделом. Пусть расплачивается за свое кровавое тоталитарное прошлое. За Родину, за Стали-

на? Вот и получайте по полной программе, коммуняки хреновы.

Известное выражение «русише швайн» не употреблялось им лишь потому, что это могло вызывать некоторые неприятные ассоциации с фашизмом, мешающие бизнесу. Но думать Кочеру запретить никто не мог, и он думал именно так. Его нельзя было обвинить в том, что он грабит своих. Люди, среди которых он провел всю жизнь, были для него чужими. Не сплошь «швайне», но все равно «русише».

Судя по всему, одна из этих русских свиней чем-то здорово насолила господину Кочеру.

– Убить мало! – проорал он.

Это была последняя вспышка гнева. Запыхавшийся Кочер плюхнулся в кресло, плеснул в бокал коньяка и смочил им пересохшую глотку. Потом набрал на мобильнике нужное сочетание цифр и приложил трубку к уху. Многофункциональный телефон был оснащен не только такими техническими новинками, как цифровая видеокамера или универсальный переводчик, но мог также подключаться к компьютерной системе. Благодаря этому Кочер имел возможность прослушивать разговоры людей, которым он не доверял, то есть практически всех, кому были установлены микрофоны.

Система была дорогостоящей, но себя окупала. Кочер неоднократно убеждался в этом. И сегодня его предусмотрительность дала очередные плоды.

– Ну свинья, вот же грязная свинья, – процедил он, при-

слушиваясь к происходящему в квартире Каменира. – Самовольничать вздумал? Молоденькой девчатинкой решил побаловаться? Ладно, скоро мы узнаем, действительно ли ты такой прыткий, каким хочешь казаться. Ты у меня поскачешь, старый козел. Я тебя научу соблюдать порядок.

С этими словами Кочер нажал кнопку сброса, после чего сразу же включил вызов начальника службы личной безопасности.

* * *

Не прошло и трех секунд, как Ханчев предстал перед боссом, готовый выполнить любой приказ. Мало кто догадывался, что этот франтоватый, низкорослый, по-мальчишески щуплый мужчина с внешностью героя-любовника немого кино опасен, как гремучая змея. Чеченец по отцу, русский по матери, он родился, вырос и жил в Ставрополе, пока не был призван в армию.

Служить Ханчеву выпало на границе с Афганистаном, но погоня он носил недолго. Спутавшись с поставщиками героя, чуть не загремел под трибунал, дезертировал и находился в бегах, пока не завербовался в отряд наемников. Побывал в Афгане, Сирии, Ираке, Ливане и даже в Косове, где, конечно же, занимался отнюдь не миротворческой деятельностью. О своих тогдашних подвигах Ханчев распространяться не любил, а Кочер на этом и не настаивал. С него было доста-

точно, что его охранник обладает навыками ведения диверсионной и партизанской деятельности. Ханчев разбирался в любых системах слежения, умел обращаться со всеми видами оружия, обладал профессиональной интуицией и был предан хозяину как кавказская овчарка... до тех пор, пока его врожденная кровожадность находилась под контролем, а преданность оплачивалась. Во всяком случае, так полагал Кочер.

– Кажется, возникли проблемы, – пожаловался он, пригубив коньяк.

– Наконец-то, Роберт Оттович, – откликнулся Ханчев.

– Ты рад, что у твоего шефа проблемы?

– Я рад возможности разрешить их наилучшим образом. – Ханчеву была свойственна некая напыщенность, принимавшая порой гротескные формы. Иногда он начинал изъясняться как персонаж индейских романов Фенимора Купера, питавших склонность к цветистым оборотам речи. Вот и сейчас, задумавшись на мгновение, Ханчев решил развить свою мысль. – Езда по ровной дороге приятна и безопасна, но скучна, – произнес он. – Препятствия на пути придают жизни необходимую остроту.

– Да-да, – рассеянно кивнул Кочер, предпочитавший, чтобы все шло без сучка и задоринки.

– Это как хорошая аджика.

– Может быть, но я, честно говоря, совершенно не знаком с кавказской кухней.

– Много потеряли, Роберт Оттович.

– Но приобрел гораздо больше, не так ли?

Ханчев утвердительно наклонил голову и почтительно по-
тупился – поза, позволяющая скрывать истинные чувства. В
настоящий момент на губы Ханчева просилась пренебрежи-
тельная усмешка. «Почему этот рыжий мудака не перекрасит-
ся в какой-нибудь нейтральный цвет? – спросил себя он. –
Неужели ему не ясно, что рыжим место на цирковой, а не
на политической арене? А эта раздутая, как у жабы шея, в
которой утопает крошечный подбородок шефа, – он что, не
глядится в зеркало? Если причиной тому базедова болезнь,
то нужно срочно лечиться, вместо того чтобы заказывать со-
рочки с нестандартными размерами воротников».

Пока Ханчев смотрел в пол, ожидая распоряжений, Ко-
чер опять включил телефон, поднес его к уху и поморщился.
Звучала музыка, девушка опять повизгивала, а Каменир, на-
до полагать, получал очередную порцию дармового удоволь-
ствия. Но так не бывает. За все приходится платить, букваль-
но за все. Конечно, лучше бы деньгами, но что взять с это-
го жалкого интеллигента? Что ж, пусть расплачивается как-
нибудь иначе. Например, своей бесшабашной головой.

– Помнишь такого – Эдуарда Львовича? – спросил Кочер,
сменив телефонную трубку на бутылку «Камю».

– Профессионалы моего класса не страдают склерозом, –
пространно ответил Ханчев. – До старости доживают немно-
гие, а те, кому это удастся, обладают очень даже хорошей па-

мantlyю.

Кочер бросил на него острый взгляд:

– Возьми пару ребят и поезжай к дому Каменира, профессионал. Мне нужен не только он, но и его подружка, которая сейчас находится у него в гостях.

– Как она выглядит?

– Понятия не имею. Студентка. Думаю, смазливая.

– Люблю иметь дело со смазливыми студентками, – мечтательно улыбнулся Ханчев, давным-давно не испытывавший тяги к женскому полу. Слишком долго мыкался он по горам и пустыням, сражаясь бок о бок с мужчинами, среди которых было немало арабов. Они-то и открыли Ханчеву весьма специфические способы сексуальной разрядки, которые пришлись ему по вкусу, да, по вкусу. Облизав губы, он поинтересовался: – Куда доставить сладкую парочку? На базу?

– Сюда. – Кочер похлопал рукой по подлокотнику кресла. – Дождитесь темноты и действуйте. Девчонка скорее всего будет в невменяемом состоянии. Я не хочу, чтобы ее видели внизу.

– Мы привезем вам холодильник, – сказал Ханчев. – Большой, вместительный холодильник в фирменной упаковке. Предупредите, пожалуйста, об этом секьюрити.

– Слушаюсь и повинуюсь. – Окружающие полагали, что Кочер начисто лишен чувства юмора, и ему иногда хотелось рассеять это заблуждение.

Мужчины посмеялись. Один – потому что, как ему пред-

ставлялось, удачно пошутил. Второй – поскольку подыгрывал хозяину.

– Есть хорошие новости, – сообщил Ханчев, продолжая ухмыляться.

– Вот как? – Кочер заинтересованно приподнял рыжие брови.

– Слышали про недавний теракт в ночном клубе, Роберт Оттович?

– Конечно. Все средства массовой информации трубят об этом.

– Так вот, они вышли на след организаторов взрыва.

– Массмедиа? – спросил Кочер.

– Они, – произнес Ханчев с нажимом.

– А! Это действительно приятно слышать. И что же это за след?

– Чеченский, как и следовало ожидать.

– Совсем распоясались, сепаратисты проклятые, – возмутился Кочер. – Ваххабиты, без стыда и совести.

Ханчев тонко улыбнулся:

– Пресс-секретарь ФСБ, выступивший по телевизору, высказался примерно в таком духе, только другими словами.

– Значит, виновные скоро будут пойманы и примерно наказаны.

– Вот именно. Думаю, у чекистов уже есть на примете несколько подходящих кандидатур. Вы знаете, как это бывает.

– Знаю, – согласился Кочер. – Ловят, предъявляют возмущенной общественности, а потом годами мурыжат в Лефортове.

– Собирают доказательства, – поддакнул Ханчев.

– Что ж, пожелаем им удачи в их доблестном труде, – сказал Кочер, сделав маленький глоток коньяка. – А мы давай займемся своими делами. Мне не терпится увидеть новый холодильник. Чем раньше он появится здесь, тем лучше. Только пусть ребята не повредят его по дороге. – Кочер со значением взглянул на подчиненного. – Чтобы ни царапинки, ясно?

Глава 7

Кадровый вопрос

С приближением сумерек у Волопасова началась неужержимая зевота, которую он тщетно пытался скрыть от подчиненных. Нервное возбуждение всегда действовало на него таким образом. Сна ни в одном глазу, а челюсти то и дело сводит от неужержимого желания сделать судорожный глоток воздуха. Как ни крепился руководитель Управления контрразведывательных операций, а непроизвольные позевывания раздирали рот все чаще, все сильнее.

«Словно рыба на песке», – сердито думал он, то и дело прикрываясь ладонью.

Начальники отделов, собранные на вечернее совещание, старались не смотреть на шефа, но можно было не сомневаться, что они видят его состояние. От этого Волопасову сделалось совсем мутно. Извинившись, он уединился в комнате отдыха и, напив себе пятьдесят грамм медицинского спирта, выпил лекарство залпом. Через минуту ему полегчало. Через три минуты, возвратившись за стол, он почувствовал себя заново родившимся.

– Теперь, – скрипуче произнес он, – когда план операции «Прощание славянки» в общих чертах намечен, прошу присутствующих поочередно высказать свое мнение. Коротко и по делу. Не расплываясь мыслию по древу.

Выслушивая подчиненных, Волопасов не сделал ни единой письменной заметки, хотя порой звучали очень дельные предложения. Его мозг привычно фиксировал и сортировал сотни разрозненных фактов, пытаясь сложить их в нечто цельное. До сих пор ничего путного не вырисовывалось. Личность террористки-смертницы, устроившей взрыв в клубе «Приход», не укладывалась в привычные рамки. Пока не были отслежены и проверены многочисленные контакты Катерины Елисеевой, нечего было и пытаться строить предположения.

Что ж, рано или поздно ниточка появится, а дальше – дело техники. Люди существуют не в безвоздушном пространстве, они постоянно общаются с себе подобными, следовательно, оставляют какие-то следы, предметы, записи, фотографии, воспоминания.

Перебрав всех, кто знал Елисееву, оперуполномоченные ФСБ наметили к разработке полтора десятка фигурантов, на которых следовало обратить самое пристальное внимание. Завтра или послезавтра список сократится до пяти, максимум до семи фамилий. Еще через пару дней выявится тот самый человек, который прямо или косвенно вовлек Елисееву в террористическую организацию. Не по газетному же объявлению она вышла на преступников. А если и так, то все равно ее путь к ним будет отслежен.

Волопасов взглянул на начальника технического отдела, который высказался последним, и резко спросил:

– Где, по-вашему, было изготовлено взрывное устройство, находившееся на теле смертницы?

– Не на Кавказе, – последовал незамедлительный ответ.

– Чем подтверждена ваша уверенность?

– Во-первых, сама начинка, – сказал начальник техотдела. – Не гексоген и не самодельный пластит, а самая настоящая пластиковая взрывчатка «С-4» промышленного изготовления, что для чеченцев нехарактерно. Во-вторых, механизм. Существует четыре вида механизмов, приводящих в действие детонатор: обрывные, нажимные, разгрузочные и натяжные...

– Дальше! – звучание голоса Волопасова напоминало скрежет неисправного стартера.

– В клубе была применена бомба с нажимным механизмом. Все известные нам «черные вдовы» пользовались либо обрывными, либо натяжными устройствами. – Начальник техотдела помассировал затылок. – Могу предположить, Николай Артемьевич, что взрывчатку смастерил кто-то из профессиональных наемников, воевавших в югославском регионе.

– Тогда, возможно, албанцы? Мстят нам за поддержку сербских беженцев?

– Албанские боевики используют два основных вида взрывчатки – диперекись ацетона «домашнего» изготовления и обычный тринитротолуол, полученный, как правило, из старых мин и снарядов, оставшихся на полях сражений

в районе Косова. Кроме того, в качестве детонатора албанцы используют простые лампочки, — продолжал докладчик. — Достаточно разбить стекло и обмазать проволоку каким-нибудь легковоспламеняющимся веществом. При включении лампочки проволока мгновенно нагревается, и бомба детонирует. В клубе «Приход» был применен иной тип детонатора.

Волопасов недовольно засопел:

— Вы сами упомянули югославский регион, а теперь морочите мне голову!

— Я говорил об иностранных наемниках, — возразил начальник техотдела. — О людях, прошедших профессиональную подготовку и имеющих в своем распоряжении такие мощные взрывчатые вещества, как «С-4». Это ведь, по сути, пластилин. Из него легко изготовить бомбу любой формы и спрятать ее под одеждой. Пластит достать гораздо сложнее, чем другие виды взрывчатки, поэтому у обычных террористов редко появляется возможность его использовать. Разумеется, это лишь мое субъективное мнение.

— На сегодняшний день мы имеем десятки различных субъективных мнений, — поморщился Волопасов. — И ни одного объективного суждения, вот что прискорбно. Может быть, нам следует устроить опрос людей на улицах? Может быть, они подскажут что-то дельное? У каждого из них, я уверен, тоже имеется собственное мнение по данному вопросу.

Руководитель УКРО обвел взглядом участников совещания, выискивая смельчака, готового принять вызов. Три часа назад он имел весьма неприятный разговор с начальником Департамента контрразведки, который, в свою очередь, побывал на ковре у Директора ФСБ. Можно было не сомневаться, что Директору тоже накрутили хвост в Кремле, так что цепная реакция продолжалась по нисходящей. Снежный ком эмоций катился вниз, грозя обрушиться на каждого, кто допустит оплошность. Руководители служб управления прекрасно осознавали это, поскольку устраивали подчиненным аналогичные выволочки. И теперь каждый из них тоскливо гадал, на кого именно обрушатся гром и молнии.

Обошлось. Выдержав томительную паузу, Волопасов махнул рукой:

– Свободны. Можете расходиться по рабочим местам.

Все облегченно перевели дух. Но уже после того, как полковники дружной гурьбой устремились к выходу, Волопасов попросил остаться одного из них, Роднина.

Ощущая на себе сочувственные взгляды коллег, начальник оперативного отдела повернулся кругом, замерев хотя не по стойке «смирно», но и не в непринужденной позе штатского.

* * *

Несмотря на профессиональную привычку выведывать

тайны, мало кто в управлении догадывался о том, что Волопасова и Роднина связывают близкие отношения, начавшиеся еще во время учебы в Академии Комитета государственной безопасности СССР. После распределения судьба то сталкивала, то разлучала новоиспеченных офицеров, но ни время, ни расстояние не были властны над их дружбой. Она рухнула относительно недавно, когда на плечи Волопасова упали генеральские погоны, а Роднин так и остался при звездах полковника. Вызванный вскоре после этого в кабинет бывшего друга и названный им по старой памяти «Васей», Роднин нахмурился и сказал:

– Извини, старик, но давай без фамильярностей. Я с тобой в последний раз на «ты» – прими, пойми и не обижайся.

– Завидуешь, что ли? – проскрипел Волопасов.

– Дурак ты, Колька, – сказал полковник генералу. – Стану я завидовать твоим лампасам! Форсу много, а удовольствия мало. Всегда на виду, за все в ответе.

– Что же ты кочевряжишься, раз все понимаешь?

– Я не кочевряжусь, я дело говорю. Дружба – дружбой, а табачок врозь. Тебе – генеральский. Мне – попроще, тот, что по чину полагается. Вот так, и никаких гвоздей. Поверь, старик, так будет лучше.

– Кому? – выкрикнул Волопасов. – Тебе? Мне?

– Соблюдать субординацию в интересах нашего общего дела, – твердо ответил Роднин, и по выражению его лица было ясно, что он от своего не отступит.

– Какого дела?

– Ну, ты даешь, старик! Я должен напоминать вышестоящему начальству, чем мы тут занимаемся? – Роднин машинально взглянул на портрет Железного Феликса. – Есть такая работа – Отчизну защищать. Или забыл?

– Я-то помню, – возмущенно проскрежетал Волопасов. – И про Отчизну помню, и много еще чего. Например, как мой кореш, будучи лейтенантом, батину машину продал, чтобы подкинуть мне денег на обзаведение жилплощадью. Как этот кореш майорской должности лишился, когда меня перед начальством выгораживал. – Волопасов порывисто подался вперед. – А теперь, значит, мы должны нашу дружбу похерить? Только из-за того, что один другого на служебной лестнице обскакал? Так еще не вечер, Вася. Может, завтра я у тебя в подчинении ходить буду.

– Может быть, – согласился Роднин с достоинством. – Но и в этом случае я скажу тебе то же самое. Мы с тобой для окружающих не Васек с Коляном, а старшие офицеры. Подчиненным наше с тобой сюсюканье ни к чему, им дисциплина нужна, вертикаль власти, да такая, чтобы дыбом стояла. А если завтра ты меня по-приятельски по плечу похлопаешь, то послезавтра целая очередь соберется из таких хлопальщиков.

Волопасов, не поднимая глаз, проворчал:

– Никто на людях панибратствовать не собирается.

– И правильно, – одобрительно кивнул Роднин. – Но мы

с тобой не гуттаперчевые мальчишки, чтобы при свидетелях себя так вести, а без свидетелей – этак. Лично меня такой вариант не устраивает.

– Почему?

– Шут его знает. Почему одним рыба с душком нравится, а других от нее воротит? Почему одни юлить умеют, а другие напрямик прут как танки?

– Ты, что ли, танк, Вася?

– Да уж не велосипед с моторчиком, Коля. – Роднин тут же поправился: – Николай Артемьевич.

Больше к этому разговору не возвращались. В неофициальной обстановке бывшие друзья изредка позволяли себе общаться по имени-отчеству, но в остальное время оставались друг для друга генералом и полковником, в полном соответствии с табелью о рангах.

Поостыв, Волопасов пришел к выводу, что старый товарищ был прав, и все же обида осталась. Наверное, даже не на Роднина обида. На судьбу-индейку, отнявшую у Волопасова больше, чем дала. Возможно, самое ценное, что было у него в жизни.

И, хотя он не признавался в этом никому, Волопасов втайне мечтал о дне, когда уйдет в отставку. Чтобы встретиться с Родниным на правах старого товарища и, как бы шутя, намять ему бока под видом безобидной возни у рыбацкого костерка или на дачном участке. А потом потрепать упрямца за седую чуприну и пожурить: «Видишь, все ж таки по-моему

вышло. Никакой я тебе больше не товарищ генерал и даже не Николай Артемьевич, усек, Васек? Только теперь я тебя назло стану не по имени величать, а Василием Степановичем, хоть лопни от злости».

Но Волопасов свою угрозу не выполнит, конечно. И уже через пять минут старые друзья будут сидеть рядышком, чуть ли не в обнимку, рассказывая о своем житье-бытье, хорохорясь, привирая и немного кокетничая. Им будет что сказать друг другу. И сейчас есть. Нужно только переступить через дурацкие условности.

Взглянув на Роднина, Волопасов проскрипел:

– Долго вы будете из себя соляной столб изображать, полковник? Давайте к столу. Или вам особое приглашение требуется?

* * *

Привычно прошагав вдоль длинного приставного стола, начальник оперативного отдела сел напротив руководителя УКРО и положил руки поверх папки с материалами по проведению операции «Прощание славянки».

Фотография покойной «славянки» красовалась на торцевой стене кабинета. Это было сделано вовсе не потому, что Волопасов боялся забыть, как выглядела смертница – нет, единожды увидев Елисееву, он опознал бы ее и на Страшном суде. Но генерал издавна питал пристрастие к различ-

ного рода схемам, помогавшим ему просчитывать многоходовые комбинации. Вот почему увеличенный портрет Екатерины Елисеевой был наклеен на лист ватмана.

От него, подобно солнечным лучам на детском рисунке, тянулись во все стороны прочерченные зеленым фломастером линии. Стрелки указывали на знакомых Елисеевой, которые попали под подозрение ФСБ. Некоторые из них были представлены фотографиями, некоторые – проименованными квадратиками, но всех их предстояло тщательно изучить на предмет принадлежности к террористическим организациям. В основном это были лица мужского пола. Студенты, тусовщики без определенного рода занятий, бизнесмены мелкого пошиба, один профессиональный картежник, один фотограф, один музыкант – вся эта разношерстная публика окружала Елисееву до тех пор, пока она не сменила образ жизни. Что стояло за этим решением, вернее, кто?

Разглядывая ватманский лист, Роднин подумал, что заинтересовавшим ФСБ людям не повезло в любом случае. Скоро их подноготная будет изучена, проанализирована и зафиксирована в документах, после чего они попадут в секретную картотеку. И кто знает, чем это может обернуться для них в дальнейшем. Любители легкой жизни даже не представляют себе, как часто они ходят по краю пропасти.

Роднин перевел взгляд на бесцельно перебирающего бумаги Волопасова, который очень уж долго собирался с мыслями, прежде чем перейти к делу. Не знает, с чего начать

разговор? Что ж, нужно ему помочь.

– Любопытное совпадение, – произнес Роднин, кивая на схему.

– Какое совпадение? – оживился Волопасов, повернувшись всем корпусом назад.

– Шестнадцать фигурантов по делу Елисеевой.

– Ну и что?

– Жертв тоже было шестнадцать. Удивительное совпадение.

– Прежде вы мистикой не увлекались, Василий Степанович.

– А я и сейчас не увлекаюсь, Николай Артемьевич.

– Тогда к чему эта реплика? – недовольно осведомился Волопасов.

– Брякнул первое попавшееся, что на ум взбрело, – признался Роднин.

– Какого рожна?

– Мне показалось, что вы хотите обратиться ко мне с какой-то личной просьбой, товарищ генерал.

– Допустим, хочу. – Пальцы Волопасова выбили по столу быструю неровную дробь.

– Вот я и решил облегчить вам задачу, заговорив первым. – Роднин пожал плечами.

– Та-ак. – Генеральский тон не сулил подчиненному ничего хорошего. – Помочь мне, значит, надумали, полковник?

– Почему бы и нет?

– А я разве просил вас о помощи?

– Собирались, – напомнил Роднин. – Разве вы задержали меня не для этого?

Несколько секунд Волопасов молчал, не зная, как вести себя в этой щекотливой ситуации. Продолжать держаться подчеркнуто официально? Или попытаться хотя бы отчасти восстановить прежние отношения? Так и не приняв решения, Волопасов спросил, постаравшись, насколько это возможно, смягчить свой голос:

– Скажите, полковник, у вас остались свободные оперуполномоченные, не задействованные по делу Елисеевой?

– Никак нет, – ответил Роднин без запинки. – Все опытные сотрудники выполняют порученные им задания.

– А капитан Бондарь?

Задавая этот вопрос, Волопасов постарался напустить на себя полнейшее равнодушие.

– Вы сами подписывали приказ о предоставлении Бондарю внеочередного отпуска, – произнес насторожившийся Роднин.

Он отлично знал, что старый друг никогда не упускает из виду даже самых незначительных мелочей, относящихся к деятельности управления. Что касается Бондаря, то еще недавно эта фамилия была на устах всех сотрудников, и Волопасов не мог не знать об этом. В прошлом месяце капитан потерял жену и четырехлетнего сына. Они погибли в авткатастрофе, пытаясь разминуться с мчавшимся по встреч-

ной полосе «Саабом», за рулем которого сидел обкурившийся анаши отпрыск замминистра. В настоящее время ублюдок находился под следствием, а семья Евгения Бондаря – в двух выкопанных рядышком могилах. Поговаривали, что капитан винил в случившемся себя, поскольку настоял, чтобы жена обзавелась водительскими правами. Она неохотно подчинилась, а примерно через неделю после экзамена произошла трагедия.

Мог ли генерал Волопасов забыть, как лично хлопотал о том, чтобы жена и ребенок Бондаря нашли последний приют не где-нибудь, а на Новодевичьем кладбище, куда простых смертных пристроить не так-то просто?

Предчувствуя какой-то подвох, Роднин расставил локти пошире и наклонился вперед. Волопасов, наоборот, принял расслабленную, почти умиротворенную позу. Если бы не пронзительный взгляд, можно было подумать, что он предпочел бы вздремнуть, вместо того чтобы заниматься пусто-порожней болтовней.

– Да, – согласился он, – я действительно предоставил отпуск Бондарю. После ваших неоднократных докладов о том, что капитан буквально раздавлен горем. Стал опаздывать на службу, пренебрегать своими прямыми обязанностями, взрываться по пустякам, грубить коллегам. Кроме того, – нахмурился Волопасов, – я подозреваю, что капитан начал попивать в одиночку.

– Есть соответствующие сигналы, – кивнул Роднин. – И неоднократные. Если Бондарь будет продолжать в том же духе, то после отпуска он отправится прямым в отставку. Вот так, и никаких гвоздей.

– Но ведь он один из ваших лучших сотрудников, Василий Степанович. Нет?

– Был одним из лучших сотрудников. – Поправка прозвучала как приговор. – Очень сомневаюсь, что он сможет продолжать заниматься оперативной работой. Раскис, расклеился. – Роднину было неприятно говорить об этом, но он упрямо повторил: – Совершенно расклеился. Физически здоров, но морально убит. Психоневроз, как утверждает медицина.

– Его можно понять, – ворчливо возразил Волопасов. – Круглый сирота. Рос без отца, мать потерял в раннем возрасте. Жена и сын были единственными дорогими ему людьми, а он считает себя виновником их гибели. Попробуйте-ка поставить себя на его место.

– По-человечески, я ему сочувствую. Но как непосредственный начальник... – Роднин покачал головой. – Мне в отделе неврастеники не нужны. Наломает Бондарь дров, кто отвечать будет?

– Я.

Это прозвучало настолько неожиданно, что Роднин не поверил своим ушам. Но последовавшее продолжение убедило его в том, что он не ослышался.

Глава 8

Личные обстоятельства

Створчатые двери всхлипнули, смыкаясь за его спиной. Взревел двигатель. Автобус покатиł прочь, обдав ноги прощальным выхлопом. Мимолетное теплое дуновение, и вот уже ветер треплет штанины с яростью осатанелого пса, норовящего добраться до костей.

Холодно. По черной земле змеятся белые ленты поземки. Как будто кто-то размотал в поле множество бинтов да так и бросил, за ненадобностью. Вокруг ни души. Только он один на целом свете. И это хорошо, ведь так оно и есть на самом деле.

«Наташенька! Антошка! Видите, как мне плохо, как одиноко? Я хочу быть с вами. Больше мне ничего не надо. Заберите меня к себе!»

В ответ – молчание. Как обычно.

Опустив сумку на землю, Бондарь выковырнул из пачки сигарету, сунул ее в зубы и повернулся к ветру спиной, щелкая зажигалкой. Прикурить удалось, затянуться – нет. Сигарета осыпалась бенгальскими искрами, дым уносился прочь со скоростью ветра. Не прошло и минуты, как в озябших пальцах остался лишь мятый бурый окурок. Отправив его следом за поземкой, Бондарь подхватил сумку, повесил ее на плечо и зашагал в направлении дачного поселка.

«Кто там шагает – правой? Левой! Левой! Левой!»

Идти было нелегко. Ботинки скользили на обледенелых колдобинах, а тут еще ветер, беспрестанно меняющий направление. То справа хлестнет, то слева, высекая слезы из глаз. Какую щеку ни подставляй, все ему мало. Так стоит ли это делать? Про щеку сказано в Новом Завете. А в Старом говорится: «Око за око, зуб за зуб». Древние знали, что такое возмездие. Они бы не стали церемониться с убийцей своих близких. Разве справедливо, что жена и сын коченеют в промерзшей земле, тогда как виновник их гибели залечивает незначительные царапины в престижной клинике? С него взяли подписку о невыезде, надо же! Адвокаты небось возмущены такой строгой мерой пресечения. Благодаря их стараниям убийца останется на свободе, в этом можно не сомневаться. Суд учтет его нежный возраст, любовь к аквариумным рыбкам и множество других смягчающих обстоятельств. А кто учтет боль и страдание, которые причинил убийца?

Чувствуя, как лицо немеет, смерзаясь в застывшую маску, Бондарь повернулся к ветру спиной и обнаружил, что одолел не более трети пути. Грунтовая дорога, разделяющая шоссе и поселок, вытянулась почти на пять километров, он знал это точно, потому что не раз засекал расстояние, когда приезжал на машине. Теперь ее нет. Как нет тех, кто сидел в ней, не подозревая, что едет навстречу смерти.

Не подозревая, но предчувствуя, не так ли, капитан Бон-

дарь?

Так. Ведь не случайно же Наташа так упиралась, когда он настаивал на автошколе. Долго пришлось ее уговаривать.

«Наташка, не дури! И охота тебе в общественном транспорте толкаться? Сдашь на права, потренируешься немного за городом и станешь первоклассным водителем. Сядете с Антошкой в машину – и вперед. Можно на дачу, можно к родственникам, можно просто куда глаза глядят...»

А можно – на кладбище. Где глаза уже никуда не глядят.

Бондарь поежился. Холодно ему было. Продрог он. До глубины души промерз, до полного оледенения сердца. Наверное, точно так же похолодело в груди Наташи, когда она поняла, что уже не сумеет выровнять темно-синюю «девятку», на заднем сиденье которой находился их четырехлетний Антошка.

Какими они были, последние мгновения их жизни, когда мимо пронеслась ревушая торпеда «Сааба»? Кричали ли они, поняв, что их собственная машина не удержалась на мокрой асфальтовой полосе? Или обмерли на сиденьях «девятки», бешено скачущей по крутому склону, пробивая себе путь сквозь чахлые кусты? О чем успели они вспомнить, прежде чем в их лица хлынули осколки рассыпавшегося лобового стекла?

Бондарь мог лишь догадываться, и эти догадки сводили его с ума. Он ничего не знал наверняка. Он даже не помнил, как преодолел два километра, отделявшие его от ме-

ста аварии. Вот он сидит с телефонной трубкой в руке и тупо смотрит на нее, пытаясь осознать только что услышанную новость. А вот уже катится кубарем по заснеженному откосу, сшибая с ног бестолково суetyающиеся фигуры в милицейской форме. Заглядывает в салон «девятки». Пытается избавиться от трясущей его за плечо руки.

«Вам сюда не надо, вам сюда нельзя!»

«Прочь! Все прочь!»

Бондарь понятия не имел, кто оттаскивал его от машины. Он видел только Наташу. Она сидела, наклонившись вперед, уронив голову на искореженное рулевое колесо. Жизнь сохранилась лишь в ее золотистых волосах, перебираемых ветром.

«Где сын? – страшно заорал Бондарь, по-прежнему не различая окружающих его лиц. – Где мой сын?»

Антошка лежал на носилках, скрытый от глаз покрывалом, на котором проступили бордовые пятна. Маленький-маленький, тихий-тихий. И не получалось внушить себе, что сынишка просто уснул. Все из-за этих проклятых пятен.

Они и теперь всплывали перед взором Бондаря всякий раз, когда пытался уснуть трезвым.

Скорее бы добраться до дачи, оглушить себя водкой, а потом завалиться на диван у камина и отключиться, не видя багровых кругов перед глазами.

Разве не для того он забрался в эту глушь?

Бондарь потряс головой. За то время, пока он смотрел назад, по шоссе проехало всего две или три машины. Оно и понятно – водители предпочитают скоростную трассу, пролегающую значительно севернее. Да и вообще выбираться за город зимой, причем на ночь глядя, охотников мало, вот и пусто кругом.

Ну и хорошо, сказал себе Бондарь, возобновляя движение. Я никому не нужен, мне никто не нужен. И не надо лезть ко мне в душу, все равно ее уже не отогреешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.